

В. Шихомиров

ПОДВИГ „ТУМАНА“

БИБЛИОТЕКА СОЛДАТА И МАТРОСА

Вен. Тихомиров

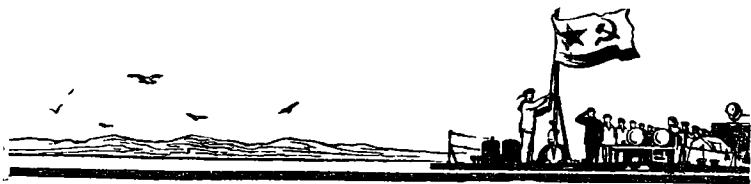
ПОДВИГ „ТУМАНА“

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МИНИСТЕРСТВА ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР
МОСКВА — 1960

В начале Великой Отечественной войны в состав Северного флота вошел маленький сторожевой корабль «Туман», переделанный из рыболовного траулера. Вооруженный двумя малыми пушками, корабль нес дозорную службу по охране советских берегов, участвовал в высадке наших десантов на побережье врага, отражал налеты фашистской авиации. Экипаж корабля состоял из людей смелых, спаянных крепкой флотской дружбой, беззаветно любящих свою великую Родину, свой народ, свой корабль. В неравном бою против трех гитлеровских эскадренных миноносцев экипаж «Тумана» показал изумительные образцы доблести, негибаемой стойкости и воли к победе. Подвиг мужественных моряков золотыми буквами вписан в историческую летопись нашего славного Военно-Морского Флота. Повесть о людях героического корабля — правдивое, запоминающееся произведение о советских военных моряках.

Автор книги Вениамин Васильевич Тихомиров в прошлом — морской офицер. В годы Великой Отечественной войны служил на Северном флоте. В настоящее время — журналист.

ЛЕГЕНДА ИЛИ БЫЛЬ?

Прохладный и тихий августовский вечер. Над улицами и площадями столицы, окутанными синеватой дымкой, вспыхнули электрические огни. Праздничная столица казалась особенно красивой и приветливой. В те дни здесь проходил VI-й Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Легкий ветер мягко перебирал складки многоцветных флагов. Ярko сияла иллюминация. Повсюду слышались музыка и веселый смех. То тут, то там вспыхивали песни. Заняв всю ширину улиц, непрерывным потоком шли юноши и девушки в ярких народных костюмах. Звучала разноречивая речь.

В необычайно шумной и нарядной толпе, подхваченные говорливой людской рекой, не спеша шли и мы с молодым немецким журналистом Гансом Хенке.

У Пушкинской площади нам повстречалась группа военных моряков. Они о чем-то громко разговаривали, по-матросски раскатисто смеялись. На ленточках их бескозырок золотом сияли слова «Северный флот».

— Скажите, они служат на Севере? — внимательно вглядываясь в лица моряков, неожиданно спросил Хенке.

— Да, на Северном флоте, — ответил я.

Мы остановились.

— А может быть?.. — Ганс Хенке замялся. В его серых глазах вспыхнул огонек любопытства. Я понял, что он хочет о чем-то спросить, но не решается.

— Что вы хотите узнать? — поинтересовался я.

— Давайте присядем где-нибудь.

— Пожалуйста...

Мы зашли в сквер и присели на скамью, у памятника Пушкину. Уличный шум доходил до нас несколько приглушенным.

— Слушаю вас, — сказал я.

— Я хотел спросить у них о советском корабле по имени «Туман»...

Я никак не ожидал подобного вопроса:

— Откуда вы знаете о «Тумане»?

— Знаю...

И вот что рассказал мне в тот вечер Ганс Хенке.

...Случилось это несколько лет назад. В Берлине, на Вильгельмштрассе, окруженный липами, стоит небольшой, но богатый особняк старинной постройки. Сейчас там размещается народная библиотека. А раньше, до сорок пятого года, этот роскошный дом принадлежал семье неких Лансингов. Глава ее владел тремя магазинами музыкальных инструментов. Дочь Лансинга была замужем за генералом гестапо, а сын служил на флоте, имел чин старшего офицера и командовал эскадренным миноносцем.

Мать Ганса Хенке служила кухаркой в доме Лансингов. Вместе с матерью мальчик часто бывал в особняке хозяев.

— Однажды, не помню точно, когда это было, — рассказывал мой собеседник, — но, видимо, летом сорок первого года, потому что война против Советского Союза только что началась, Лансинги получили от сына письмо. Пришло оно из Северной Норвегии. Вечером в доме собрались гости. Я крутился на кухне возле матери и через

открытую дверь часто заглядывал в гостиную. Хорошо помню, как глава семьи читал гостям письмо сына. Лансинг-младший сообщал, что его наградили еще одним «Железным крестом» за потопление русского корабля. По рукам ходила фотография, присланная сыном. Гости, поднимая бокалы, громко кричали: «Капут России! Капут большевикам!»

Я видел эту фотографию и хорошо ее запомнил. На переднем плане стоял Лансинг-младший в мундире морского офицера. Правая рука его вытянулась в подобострастном фашистском приветствии. Он самодовольно улыбался. А за ним, на фоне моря, — горящий корабль. Внизу подпись: «Это я потопил русский корабль «Туман». Скоро мы так потопим всю Россию! Хайль Гитлер!»

Снимок вделали в рамку и повесили рядом с другими семейными фотографиями. Всем, кто приходил в дом Лансингов, хозяин непременно показывал этот портрет и хвастливо рассказывал о заслугах своего сына.

Так впервые узнал я о вашем «Тумане».

Шли дни...

Наступила весна сорок пятого года. Войска Советской Армии вплотную приблизились к Берлину. Над городом стоял неумолчный гул артиллерийской канонады и бомбовых взрывов. Пахло дымом и гарью. Среди берлинцев началась паника. Зашевелился и наш хозяин герр Лансинг.

Прихожу я как-то с матерью в гостиную, смотрю: нет снимка хозяйского сынка. Где же он? Мне почему-то захотелось его найти. Однако сделать этого не удалось. На другой день мать поручила мне сжечь какие-то бумаги хозяев. Запихивая их в печь, я неожиданно увидел исчезнувшую фотографию. Она была смята, подпись наполовину оторвана. Я обрадовался находке. Снимок тут же перекочевал в карман моей курточки.

Вскоре в Берлине начались уличные бои.

В наш район пришли ваши солдаты. Я стоял на углу, зажав в руке фотографию. Солдаты взглянут на нее, нахмурятся или улыбнутся и идут дальше. А я все стою. Много так народу прошло. Вдруг, сойдя с мостовой, ко мне подбежал высокий широкоплечий солдат. Взяв у меня из рук снимок, он минуту внимательно рассматривал его, потом с волнением спросил:

— «Туман»?

— Да, «Туман»... Русский «Туман»...

Солдат попросил подошедшего офицера перевести оставшиеся неоторванными слова подписи на фотографии. Затем они стали расспрашивать меня. Все, что знал, я рассказал им и проводил в особняк Лансингов. Что там было — я не видел...

...Несколько минут мы молчали. Рассказ немецкого журналиста порастил меня.

Что это — легенда или быль?

Кто из моряков «Тумана», пройдя многие тысячи километров по трудным дорогам войны, вместе с атакующими советскими войсками ворвался в мае 1945 года на улицы фашистской столицы и вошел в особняк на Вильгельмштрассе как победитель?

Но не будем забегать вперед. Всему свое время. Автор тоже не сразу нашел ответ на этот вопрос. Немало времени ушло на розыски и сбор материалов о «Тумане», о его людях, о их боевых делах.

Так родилась эта повесть о герое-корабле. И вот она перед вами.

„ТУМАН“ ВСТУПАЕТ В СТРОЙ БОЕВЫХ КОРАБЛЕЙ

— На фла-аг! Смир-рно! — отчетливо звучит команда. В прозрачной и тихой утренней свежести она хорошо слышна.

Проходят короткие мгновения, и в наступившей тишине над палубой родного корабля, над притихшим заливом разносятся дорогие сердцу слова:

— Флаг поднять!

Медленно и плавно поднимается по флагштоку белое полотнище с голубой каймой, поверх которой пламенеют красная звезда, серп и молот. Легкий утренний бриз бережно расправляет струящиеся складки ткани, и кажется, что флаг, будто огромная белая птица, парит над головами людей, замерших в торжественном безмолвии.

Тот, кто хотя бы однажды был участником торжественной церемонии подъема корабельного флага, на всю жизнь запомнит ее строгую и возвышенную красоту. Ведь недаром моряки называют эти минуты святыми.

После подъема флага на корабле состоялся митинг. Он был по-военному коротким и немногословным. Первым выступил командир «Тумана», старший лейтенант Лев Александрович Шестаков.

Молодой офицер, всего лишь год назад окончивший военно-морское училище, он впервые вступил в самостоятельное командование боевым кораблем. Это радовало и пугало его. Он гордился оказанным ему доверием и вместе с тем хорошо понимал, что руководство людьми — дело сложное, хлопотливое и весьма ответственное. Время было суровое, шла тяжелая кровопролитная война. Несколько дней назад группу молодых командиров кораблей принял командующий Северным флотом, боевой прославленный адмирал. Беседа была недолгой, адмирала отвлекали частые звонки телефонов, которыми был заставлен его стол, доклады оперативного дежурного и адъютанта. Тепло прощаясь с молодыми офицерами, командующий сказал:

— Знаю, трудно вам будет, друзья. Учиться командовать кораблями придется в боевой обстановке и многое постигать самостоятельно, ибо нянек и дядек, кото-

рых мы могли бы приставить к вам, нет. Главное — помните всегда о людях. Их жизни доверены вам. Сами знаете, матросы у нас золотой народ. Любого врага одолеют, если ими умно и правильно руководить.

С экипажем «Тумана» в полном составе Шестаков се-

годня встретился впервые и немало волновался, ожидая этой минуты. Он стоял перед безмолвным строем, невысокий, с юным, но строгим лицом. Голос, вначале чуть хриплый, взволнованный, постепенно окреп и теперь звучал спокойно и ровно. Только сейчас Шестаков по-настоящему почувствовал: с этой минуты он командир.

— Наша Родина в опасности, и для каждого из нас сейчас главное — бить врага, — говорил он, отчетливо произнося каждое слово. — Сегодня мы получили из рук народа боевой корабль. Нам оказано доверие — и мы должны его с честью оправдать.

Шестаков обвел глазами ровные шеренги матросов и чуть дрогнувшим голосом закончил:

— Поклянемся же перед флагом, впервые поднятым сегодня над нашим «Туманом», драться с врагом до последней капли крови!.. Вперед, к победе, товарищи!

Ровными шеренгами стоят моряки, плечом к плечу, подтянутые и строгие. Каждый думает о своем, но мысль у всех одна: Родина зовет их в бой за свое счастье, за свою свободу. Она словами командира обращается к ним, как к сыновьям.

От имени рабочих мурманской судовой мастерской выступил мастер цеха Иван Трофимович Огурцов. Это он руководил работами по переоборудованию корабля. Его знает здесь каждый матрос. Непокойный старик, он третьи сутки не покидает борт корабля. Прощаясь с моряками, мастер пожелал им счастливого плавания.

В вахтенном журнале «Тумана» появилась первая запись:

«26 июня 1941 г.

8 ч. 00 м. Торжественный подъем флага. Митинг личного состава...»

Над палубой, в кубриках и машинном отделении — во всех корабельных помещениях прозвучала первая команда:

— Корабль к бою и походу изготовить!

Так начал свою биографию сторожевой корабль «Туман». В то памятное утро он вступил в боевую семью североморцев и был включен в состав первого дивизиона сторожевых кораблей. Приказом командующего Северным флотом ему присваивался бортовой номер 12.

Шел пятый день Великой Отечественной войны против немецко-фашистских захватчиков. На огромном фронте, растянувшемся на тысячи километров от Черного до Баренцева моря, развертывались тяжелые, кровопролитные бои. Гитлеровские полчища, используя внезапность нападения, продвигались вперед. Над нашей страной нависли грозные тучи смертельной опасности.

Горели наши города и села. Неслыханным грабежам и насилиям подвергались мирные советские люди. Фашисты несли на нашу землю смерть и разорение. Бандиты в мышиного цвета мундирах уничтожали на своем пути все живое. Враг хотел огнем и железом стереть с лица земли нашу великую Родину, истребить ее могучий народ, уничтожить родную Советскую власть.

Очень трудным и тяжелым было начало войны на Севере.

Над Кольским заливом в тот день приветливо светило летнее солнце, не уходящее с горизонта круглые сутки. На свежесинем заполярном небе ни облачка. Вода от июньской тишины застыла, как стеклянная. На Север пришла наконец запоздавшая весна. В том году она была короткой и бурной. После морозов в конце мая в июне установилась южная жара. Природа полярной тундры ожила. Лето обещало быть солнечным, теплым. Это радовало северян.

И вдруг в светлом июньском небе появились черные крылатые машины войны. На Мурманск упали первые бомбы. У входа в Кольский залив были замечены перископы вражеских подводных лодок. На перешейке у полуострова Рыбачьего начались ожесточенные бои.

Сразу после митинга командир «Тумана» вместе с комиссаром корабля политруком Петром Никитичем Стрельником обошли боевые посты.

— О, тут, я вижу, знакомых много, — улыбаясь сказал Шестаков, здороваясь за руку с машинистом Иваном Быльченко.

Перед командиром стоял высокого роста, широкоплечий матрос. Шестакову нужно было запрокидывать голову, чтобы разговаривать с ним.

— Земляки? — спросил комиссар.

— Нет, вместе служили.

Остановившись у контрольной доски, Шестаков внимательно посмотрел на показатели приборов.

— Ну как, все у вас готово к первому походу? — спросил он машинистов.

— Все готово, товарищ комиссар! — ответил Быльченко. Он был рядом с командиром.

— Механизмы работают как часы, — поспешил добавить командир отделения старшина 1-й статьи Семен Годунов. Его басовитый голос звучал глухо. Отличная строевая выправка чувствовалась в каждом движении старшины. Даже в рабочей форме он выглядел молодцевато.

— А люди? — улыбаясь, спросил Шестаков.

— Люди тоже, как... — и, немного замаявшись, выпалил: — Люди работают как люди!

— Как наши советские люди, — добавил комиссар.

Командир подошел к Годунову и, тронув его за плечо, сказал:

— Вот это правильно!

Когда командир и комиссар покинули машинное отделение, моряки окружили Ивана Быльченко, засыпали его вопросами.

— Ты знаешь командира? Вместе служил с ним? — спросил машинист Василий Ширяев.

— На сторожевом корабле «Торос». Штурманом он был у нас, — ответил Быльченко.

— Ну и каков? — поинтересовался Сергей Хлюстов.

Молодой трюмный машинист специально остался, чтобы поговорить с товарищами о командире.

— Душа человек. Правда, строгий... Провинишься — не взыщи. Уж даст так даст — на всю катушку. Но зря не обидит. Его любили у нас.

— А родом откуда, не слыхал? — не дав договорить Быльченко, поторопился с вопросом старшина 2-й статьи Александр Смирнов.

— Как же, знаю... Воронежский.

— Земляк мой! — обрадованно произнес Годунов.

— До службы фабзайчонком был, потом на заводе разметчиком работал, — продолжал Быльченко.

— В самом Воронеже?

— По-моему, да.

— Может, на Эскаваторном? — допытывался Семен Годунов.

— Вот этого не могу сказать.

— Я сам спрошу его, — сказал старшина. — Придет время, сам спрошу.

По кораблю разнеслась трель боевой тревоги. Личный состав занял свои боевые посты. На машинный телеграф начали поступать команды.

«Туман» отошел от заводского причала. Медленно набирают обороты машины. За кормой вздымается рокошущий, пенистый след винта.

Командир и комиссар стоят рядом. На мостике тишина. Никому не хочется нарушать торжественную строгость первых минут плавания.

Все дальше и дальше уходят за корму бревенчатые сваи причала, приземистые корпуса цехов судоверфи. Но Шестаков не замечает этого. Его взгляд прикован к бело-красным буйам, ограждающим фарватер. Порыв холодного ветра, пробежав по глади залива, замутил ярко-зеленую воду.

— Оглянись назад, — подтолкнул Шестакова комиссар и кивком головы указал на пирс, на самом краю которого стояла молодая женщина.

Шестаков оглянулся и помахал рукой. Женщина ему ответила.

— Не эвакуировалась? — спросил Стрельник.

— И слушать об этом не захотела, — улыбнулся Шестаков. — На работу устроилась, в гидроотдел, — уважительно прибавил он и еще раз оглянулся на пирс.

— Моя тоже не хочет уезжать. Не слушает. Никакой, брат, дисциплины не соблюдают наши моряцкие женки, — засмеялся комиссар.

— На рейдовом посту связи поднят сигнал воздушной тревоги! — доложил вахтенный сигнальщик.

Над заливом разнесся ноющий вой сирен и сильные гудки стоящих в порту пароходов.

Шестаков сдвинул на затылок фуражку, поднес к глазам бинокль и направил его в небо. По светлому, еще не тронутому загаром лицу командира пробежала суровая тень. Брови сошлись над переносицей, образовав одну изогнутую черную линию.

— Летают, гады, — процедил сквозь зубы Стрельник. В его черных, живых глазах сверкнула ненависть. «Погодите, доберемся мы до вас», — думал он, вглядываясь в далекую черную точку.

— Высоко идет, — сказал, ни к кому не обращаясь, Шестаков. — Разведчик.

На мостике снова воцарилась тишина.

Все, кто находился в это время на верхней палубе, запрокинув головы, смотрели в небо. Там, на большой высоте, вспыхивали, медленно тая, белые облачка снарядных разрывов. Это береговые батареи вели огонь по вражескому воздушному разведчику.

«Туман» вышел в Кольский залив. Эта дорога в морские дали кораблю знакома. По ней не раз приходилось ему, простившись с Мурманском, уходить на рыбный промысел в далекую Атлантику. Ведь сторожевой корабль «Туман» еще совсем недавно был мирным рыболовным траулером. Вероломное нападение фашистов на нашу страну и серьезная опасность, нависшая над Родиной, потребовали вместо приспособлений для ловли трески и пикши установить на траулере боевое оружие. На верхней палубе «Тумана» поставили две сорокапятимиллиметровые пушки: одну на корме, другую на носу. На мостике по обоим бортам установили пулеметы, а у самого среза кормы была смонтирована аппаратура для постановки дымзавес. Здесь же устроили стеллажи для глубин-

ных бомб. Переоборудование шло быстро. Постоянные воздушные тревоги подгоняли людей. Не отдыхая ни минуты, трудились рабочие судоверфи. Задание военного командования было выполнено досрочно — флот получил еще один боевой корабль.

Да, дорога в море кораблю знакома, но цель похода теперь другая. И люди, что стоят на мостике и в машинном отделении, не те. Мастеров высоких уловов сменили военные моряки. Вместо сетей и рыбной тары на палубе ящики со снарядами и дымовые шашки. Мирный корабль-труженик стал кораблем-воином.

Экипаж «Тумана» укомплектовали за несколько дней. Время горячее — дорога каждая минута. Это хорошо понимали моряки. День и ночь шли тренировки на боевых постах. Урывками, по три-четыре часа в сутки, выкраивали время для сна. Нужно было как можно скорее и лучше изучить свои заведывания, подготовиться к работе в сложных условиях боевых походов. Люди пришли сюда с разных кораблей. Требовалось добиться слаженности расчетов и команд, четкой и дружной работы всего экипажа.

И вот — первый поход.

Красивы полярным летом берега Кольского залива. Крутые склоны, поросшие мелким ярко-зеленым кустарником и густыми зарослями черники, перемежаются с серо-стальными громадами голого камня. Островерхие сопки отчетливо выделяются на фоне синего северного неба. В тихий солнечный день сочетание этих цветов радует глаз. Суровая природа, этот взыскательный самобытный художник, не пожалела красок, чтобы создать строгие живописные картины. Сколько в них простоты и величия! Не за это ли так любят моряки-североморцы свой родной Заполярный край, который им поручено защищать.

Залив спокоен. В голубовато-бледный цвет окрашена

вода. Это, видимо, небо, отражаясь в заливе, отдает ему свою голубизну. Лучи солнца, падающие под косым углом на зеркальную поверхность воды, заливают все вокруг ослепительно ярким светом.

Мерно отстукивая такты, ритмично работают машины. С легким шумом разбегаются от винта буруны волн. Разрезая острым форштевнем застывшую водяную гладь, корабль выходит на широкий плес залива.

— Сигнальный пост запрашивает позывные! — слышится доклад вахтенного сигнальщика Сергея Жиленко. Он то и дело поправляет каску, низко сползающую на лоб. Широкое, скуластое лицо матроса кажется совсем круглым. «После вахты обязательно заменю», — сердито думает Жиленко и снова, в который уж раз, поднимает козырек каски.

— Поднять позывные! — тихим голосом приказывает лейтенант Леонид Александрович Рыбаков, старший помощник командира корабля.

Молодому офицеру досталась первая вахта. Первая на корабле и первая в его лейтенантской жизни. Леонид Рыбаков недавно из училища. Он только что прибыл на Север. Окончив учебу с отличием, Рыбаков имел право выбрать для прохождения службы любой флот, но решил начать свой морской путь на самом молодом — на Северном.

— Так завещал мне отец, — заявил училищной комиссии Леонид Рыбаков.

Родился он в Сормове в семье потомственных капитанов-волгарей. Отец Рыбакова в годы гражданской войны был командиром вооруженного парохода «Ольга», входившего в состав Волжской военной флотилии, и участвовал в боях против колчаковских банд. В двадцатых годах отцу Рыбакова довелось вместе с другими красными военными моряками прокладывать первые пути в ледовые про-

сторы Карского и Баренцева морей. И то, что не успел сделать отец, осталось в наследство сыну.

Леонид Рыбаков был верен заветам отца. В 1936 году по комсомольской путевке молодой токарь завода «Красное Сормово» ушел добровольцем на флот и стал курсантом Военно-морского Краснознаменного училища имени М. В. Фрунзе.

Незаметно прошли годы учебы. Влюбленный в море, Рыбаков весь отдался флотской службе. Грезил походами, мечтал о далеких плаваниях.

И вот он на мостике боевого корабля.

Слева, над самым берегом, вспыхнули белые дымки разрывов зенитных снарядов. Они хорошо видны на подсиненной парусине неба. Стрельбы не слышно. Батарея находится где-то за сопками. Ее залпы заглушает шум корабельных машин.

— Это над аэродромом, — рассуждает про себя Рыбаков, наводя бинокль в сторону порябевшего небосклона. — Опять, наверное, разведчик.

— Усилить наблюдение! — приказывает он вахтенному сигнальщику.

А в это время в каюте командира Шестаков и Стрельник обмениваются первыми впечатлениями о походе.

— Ну что ж, как говорят, лиха беда начало, — весело говорит комиссар.

— Да, первые мили пройдены, — оживленно вторит ему командир. — Люди наши мне нравятся. Крепкие парни, знающие.

— Да, такие не подведут, — соглашается Стрельник и озабоченно предлагает:

— Я думаю, Лев Александрович, партийно-комсомольское собрание надо провести поскорее. Что, если послезавтра?

— Послезавтра, говоришь? — командир задумался. —

Принимаем боезапас... Полную норму. Боюсь, не управимся. Может, завтра?

— Что ж, еще лучше. Собрание проведем минут за двадцать, по-боевому. — Стрельник встал, но каюта была слишком мала, и он снова сел на диван.

Сквозь открытый иллюминатор донесся нарастающий гул самолетов.

— Юнкерсы! — Шестаков первым бросился к выходу.

Когда командир и комиссар выскочили на верхнюю палубу, пулеметчики уже вели огонь по самолету, внезапно появившемуся из-за скал.

— Правее! Правее! — кричал лейтенант Рыбаков, не отрывая глаз от бинокля. — Еще правее! — и он поспешил на левое крыло мостика к пулеметчикам. Но было уже поздно. Промчавшись почти над самыми мачтами, самолет скрылся за многогорбыми сопками. С «Тумана» он наблюдался всего лишь несколько секунд.

— Эх, упустили фашиста! — сказал, обращаясь к пулеметчикам, Рыбаков. — А как низко шел, — и он огорченно махнул рукой.

Артиллеристы «Тумана» даже не успели открыть огонь. На кормовом орудии снаряд так и остался в руках у заряжающего Тимофея Мироненко. Досылать его в ствол было уже поздно. Цель скрылась.

— Разве так подают снаряды! — выговаривал командир кормового орудия старшина 2-й статьи Дмитрий Егуннов подносчику Петру Ефанову. Его светло-серые глаза блестели холодной сталью. — Тут, Ефанов, некогда прохлаждаться, каждая секунда на вес золота. Быстрота и разворотливость! Одна нога здесь, другая — там. Вот так! — И старшина, ловко схватив из ящика снаряд, быстро подбежал к пушке. — Заряжай! — крикнул он и снова обратился к Ефанову: — А ты? Будто не завтракал сегодня. Медленнее черепахи двигаешься. Так воевать нельзя!

К артиллеристам подошел комиссар Стрельник.

— Правильно, Егунов, так воевать нельзя. Фашисты ждать не будут, пока мы в них стрелять соберемся. Скорость самолета вон какая. Опоздать на секунду — значит упустить врага. А он за это время по кораблю бомбами ударит.

— Уж очень мала она, эта самая секунда, товарищ комиссар, — сказал Мироненко, щурясь от яркого солнечного света. — Никак ее и не поймает. Моргнул глазом — вот тебе и секунда!

Заряжающий говорил тихо, не спеша, мешая русские слова с украинскими. Стараясь, чтобы его лучше поняли, сопровождал свою речь жестикуляцией. Руки у него были подвижные, как у дирижера.

— Это верно, Мироненко, — улыбнулся комиссар. — Давайте посчитаем, займемся немного бухгалтерией.

Матросы недоуменно переглянулись. Но старшина Егунов, видимо, догадался, о чем пойдет речь. Его румяное лицо расплылось в широкой улыбке.

— Какова средняя скорость современных самолетов? Ну, вот хотя бы того, что сейчас пролетел? — начал комиссар.

— Около шестисот километров, — ответил раньше других старшина Егунов.

— Значит, шестьсот километров в час? — повторил Стрельник. — А если перевести в минуты?.. Ну, кто быстрее подсчитает?

— Десять километров в минуту! — выкрикнули одновременно несколько голосов.

— А в секунду?

Наступило короткое молчание.

— Около ста семидесяти метров, — подсказал комиссар. — А теперь посмотрим, какова ширина залива в том месте, где мы сейчас идем.

— Не больше двух километров, — робко произнес молчавший до сих пор Ефанов.

— И сколько же времени потребуется самолету для того, чтобы пролететь над заливом, обстрелять нас и сбросить бомбы? Оказывается, всего лишь около десяти секунд. Представляете себе, что это такое? Не успеешь до двадцати сосчитать — и десять секунд пролетели. Понятно?

Никто не проронил ни слова.

— Вот, товарищи, что такое для нас с вами секунда. Ну как, Мироненко?

— Вроде бы ясно теперь, что она за птичка-невеличка, эта секунда.

— Запомните это, товарищи. Мы обязаны научиться действовать так, чтобы с толком использовать каждую секунду. От этого будут зависеть наши победы в боях, — комиссар оглядел обступивших его моряков и укоризненно покачал головой: — А что случилось сейчас? На секунду опоздал наблюдатель, на две — подносчик, на три — заряжающий... А самолет за это время успел пролететь над кораблем. А как низко шел! Чуть за мачту не зацепился. Влепить бы ему как следует, чтоб другим неповадно было. А мы упустили... Так воевать нельзя, моряки!..

В полдень «Туман» вошел в главную базу флота — город Полярный. Екатерининская бухта, на берегу которой в тридцатые годы вырос этот новый заполярный город, похожа на огромную, сделанную из серого гранита чашу, заполненную водой. Высокие, почти отвесные берега с трех сторон окружают бухту, защищая ее от северных и северо-западных холодных ветров, дующих из арктических ледяных пустынь, и крутых волн, приходящих с широких просторов штормового Баренцева моря. С юга отроги скал не так высоки. Большими лестничными уступами они опускаются к воде. На них и построен город Полярный. Суровая северная природа отступила перед

волей и силой советского человека. На голом камне среди скал выросли многоэтажные дома. Над бухтой засияли огни жизни. Город был полон детских голосов, музыки, песен, простого человеческого счастья. Был... А сейчас он тих, суров, насторожен, как и все наши прифронтовые города.

«Туман» обменялся сигналами с рейдовым постом и ошвартовался у причала, рядом с другими сторожевыми кораблями своего дивизиона.

Полдень. Обед. В кубрике шумно. Слышатся шутки, смех. Моряки — веселый народ.

— Наш кок всегда бьет прямо в цель. Снайпер! — аппетитно уплетая борщ, говорит котельный машинист, весельчак и балагур Александр Косач.

— Уж Ваня Жмыхов не промахнется! — от удовольствия прищипывая толстыми губами, добавляет Сережа Жиленко.

— Это верно. Не то что некоторые мазины артиллеристы, — весело улыбаясь, хлопает по плечу Тимофея Мироненко Саша Пелевин.

Тот не оправдывается, только виновато разводит руками.

— Ну, как борщ? — вбегая в кубрик с бачком в руках, спрашивает кок Иван Жмыхов. Тонкий, шупленький, с бледным лицом, он совсем не похож на того традиционного кока, каких обычно изображают в книгах и на сцене.

— Добавочки бы, — отодвигая в сторону пустую миску, еле слышно просит Петр Ефанов, вытирая рукавом парусиновой робы блестящий от пота лоб.

— А снаряды кто за тебя подносить будет? И так еле ноги волочишь, — подтрунивает его приятель Александр Косач.

Дружный смех внезапно обрывает сигнал боевой тревоги. Кубрик мгновенно пустеет.

Проходит минута. Утихает перестук каблуков по палубе. На мостик один за другим поступают доклады:

— Кормовое орудие к бою готово!

— Пулеметные расчеты к бою готовы!

— Носовое орудие к бою готово!

Все замерли на своих местах. Заряжающие держат наготове снаряды, чтобы в одно мгновение послать их в казенник.

Прошла еще минута.

Громкий голос разрывает тишину:

— По самолетам противника, огонь!

Над кораблем стоит гул и треск. Огонь ведут пулеметчики и артиллеристы. Стреляют рядом стоящие корабли и береговые зенитные батареи. Где-то недалеко ухают разрывы фугасных бомб.

Сквозь этот беспорядочный грохот все явственнее слышится завывающий шум самолетных моторов. Взоры всех устремлены в сторону моря. Оттуда, подойдя на большой высоте, пикируют поочередно три бомбардировщика с крестами на крыльях. Свой удар они нацелили на корабли.

Командир орудия Егунов, резко взмахивая рукой, командует:

— Огонь!.. Огонь!.. Огонь!..

Один за другим гремят выстрелы. Непрерывно щелкает замок пушки. Быстро и четко работает подносчик Петр Ефанов. Снаряды мелькают в его руках. Куда только девалась его неповоротливость. Легкими и ловкими стали движения. Рукава у тельняшки закатаны выше локтя. Пот крупными каплями катится по лицу. Каска сдвинута на затылок.

— Давай, давай, Тима! Жми! — кричит он заряжающему Мироненко, подбегая с очередным снарядом.

Вражеские самолеты проходят над кораблями. Рев моторов нарастает со скоростью падающей лавины. Слы-

шится противный визг летящих бомб. Грохочут взрывы. Водяные столбы, опадая, заливают палубу «Тумана».

— Горит! Смотрите, горит! — кричат сразу несколько человек.

Черная машина, медленно снижаясь, уходит за дальнюю гряду темнеющих на горизонте скал. За самолетом, расширяясь и тая, тянется черный хвост дыма.

Налет врага отбит.

Кто подбил фашиста? Этот вопрос долго обсуждают моряки, собравшись после боя на верхней палубе. Спорят. Доказывают. Шумят.

— В конце концов, не все ли равно — кто? Важно — одним фашистом меньше! — говорит боцман Александр Саблин и тут же, приказав своим подчиненным Филиппу Марченко и Михаилу Терехину: «Скатить верхнюю палубу! Навести порядок!» — поднимается своей неторопливой походкой «вразвалочку» на шкафут.

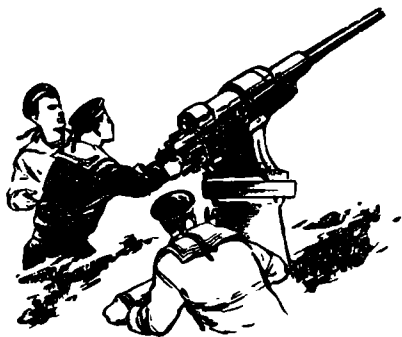
Оттуда он переходит на полубак, заглядывая во все уголки, а через минуту его широкая, чуть сутулая спина уже маячит на корме:

— Ящики расставить аккуратней! Убрать все лишнее!

Закрывшись в каюте, командир и комиссар обсуждают детали предстоящего похода. Они только что вернулись из штаба дивизиона. Корабль получил срочное задание.

— Возглавлю группу я, — предлагает Стрельник.

— А может, Рыбакова пошлем? — спрашивает командир. — Парень он молодой, энер-

гичный. Сам рвется в бой.

— Это наше первое боевое задание. И я, как комиссар, должен идти непременно.

Командир согласился:

— Хорошо. Людей отбирайте сами, Петр Никитич.

— Я думаю взять добровольцев.

— Не возражаю.

Шестаков вызвал к себе дежурного по кораблю.

— Передайте сигнал: «Корабль к бою и походу изготoвить!»

— Интересно, куда пойдем? — спрашивал своего старшину Алексея Каравая рулевой Константин Семенов. Они только что закончили осмотр механизмов.

— Ненужная любознательность, — вмешался в случайно услышанный разговор находившийся на мостике штурман корабля лейтенант Михаил Михайлович Букин. — Придет время — все узнаем, — и, немного помолчав, добавил: — Одно ясно: идем бить фашистов. У нас сейчас одна забота.

Штурман спустился вниз. Его вызвал к себе командир.

— Знаешь, Алеша, я вчера письмо из дому получил, — Семенов вытащил из правого кармана брюк помятый конверт. — Мать пишет. Вот послушай: «Сегодня суббота. Первый вечер такой хороший выдался. Народу на гулянье собралось видимо-невидимо. Наша фабрика свой оркестр привезла. Отдохнули весело. На лодках катались. Волга красивая такая. Тебя вспоминали. Скоро ли у тебя отпуск?..»

Он свернул листок вдвое и засунул его в конверт.

— Двадцать первого июня вечером написано, — Семенов снова достал письмо и прочитал: — «Сейчас половина одиннадцатого. Ложусь спать...»

Несколько минут они молчали. Каждый думал о своем. Семенов широко раскрытыми глазами смотрел на тихую гладь воды. «Как на Волге после жаркого дня, — думал он. — Тихо».

На мостик поднялся командир. Над палубой прозвучал его твердый голос:

— По местам стоять, со швартовов сниматься!..

«Туман» вышел в море в свой первый боевой поход.

ТЫ ДОСТОИН ЗВАНИЯ КОММУНИСТА

Под вечер начался обложной дождь, долгий и надоедливый. На Крайнем Севере даже в июне такая погода не редкость. С утра светит солнце, ветер совсем не трогает корабельные флаги, а к полудню с моря потянет прохладной свежестью и солнце прячется то за одно, то за другое облако. Потом оно совсем скроется за серыми, как отсыревший брезент, тучами. Здесь никто не может точно предсказать, увидев утром синее, ясное небо, что день будет хорошим. Североморцы знают, как обманчива и капризна заполярная погода. Недаром старожилы здешних мест в шутку говорят: «У нас в неделю семь дней ненастье, а остальные — все солнышко да солнышко».

— Дождь как по заказу! — веселый, улыбающийся комиссар вошел в командирскую каюту.

Шестаков дремал, сидя в кресле. Он только что спустился с мостика и решил полчасика отдохнуть. Увидев Стрельника, командир поднялся, застегнул ворот кителя и включил настольную лампу.

— Да, погода нам помогает, — задумчиво произнес он и склонился над столом. Яркий пучок электрических лу-

чей упал на портрет жены. Фотография стояла под абажуром.

— Значит, подойдем вплотную к самому мысу? — спросил Стрельник, разворачивая на столе армейскую карту-десятиверстку.

— Если глубины позволят, так и в бухту зайдем. Вот сюда, — ткнул тонко отточенным синим карандашом в карту Шестаков. — Отсюда вам будет ближе добираться до цели.

Стрельник задумчиво почесал подбородок и усмехнулся:

— Что ж, голосую за это обеими руками.

Стрелки корабельных часов показывали половину десятого, когда «Туман» подошел к побережью, занятому врагом. К шуму дождя прибавился плеск набегавших на скалы волн. Тяжелые, свинцовые тучи опустились почти до самой воды, закрыв грязной ватой тумана гранитные вершины прибрежных гор.

В кормовом кубрике собрались свободные от вахт матросы. Агитатор комсомолец Климов только что закончил громкую читку газеты. Известия с фронтов ошеломили моряков.

— Вот что творят фашисты в захваченных ими городах и селах, — тихо, почти шепотом сказал Климов.

— И чего хотят они добиться своими зверствами? Сломить нас? — гневно спросил Иван Быльченко.

— Наш народ не устратишь. Не на таких напали — осекутся, — сжимая здоровенные кулаки, дрожащим от волнения голосом сказал наводчик Андрей Сидоренко.

— Нас на испуг не возьмешь, — поддержал его сигнальщик Левочкин.

Громкий цокот чьих-то шагов по трапу заставил всех насторожиться. В кубрик спустился запыхавшийся рассылный.

— Приготовиться к высадке на берег! — громко объ-

явил он. — Десантной группе собраться в носовом кубрике.

— Пошли, значит! — первым поднялся Саша Пелевин.

— Как там погода? — спросил у рассыльного простуженным басом Михаил Анисимов и услышал в ответ:

— Дождь шпарит. Густой, густой. Такой у нас в деревне сечкой называют.

Моряки шумно провожали друзей, уходящих в десант: целовали их, желали удач.

Десантники собрались быстро. Точно, минута в минуту, в двадцать два ноль-ноль в носовой кубрик спустились комиссар и командир корабля.

— Все в сборе? — обвел взглядом десантников Шестаков. — Приступим к делу, товарищи. Еще раз уточним задачу.

В кубрике наступила тишина. Было хорошо слышно, как за переборкой гулко ухали корабельные машины и монотонными стеклянными всплесками ударяла в борт волна.

— Вас семь человек, товарищи. Ваши задачи: первая — бесшумно высадиться на берег, вторая — незамеченными подобраться к складу и третья — самая главная — взорвать склад.

Шестаков внимательно посмотрел на сосредоточенные лица моряков и продолжал:

— Командованию стало известно, что позавчера на этот гитлеровский склад доставлена большая партия боеприпасов. Значит, он сейчас усиленно охраняется. Учитите это.

— Да, нам придется нелегко, — тихим, спокойным голосом сказал Стрельник. — Действовать мы должны смело и решительно. Предупреждаю: огонь открывать лишь в самом исключительном случае. Колоть штыком, резать ножом, душить... Только чтобы бесшумно.

— Понятно? Вопросы есть? — оглядел нахмурившихся моряков командир и строго приказал: — Еще раз проверьте оружие. Документы сдать мне.

Десантники молча подходили к столу и передавали Шестакову комсомольские билеты, письма, справки.

— А фотографию можно с собой взять? — спросил, покраснев, Левочкин. В руке у него портрет улыбающейся черноглазой девушки.

— Красивая какая, — сказал командир и перевернул фотографию. — Раз адреса нет, можно взять.

— Товарищ комиссар, — подошел к Стрельнику Николай Кочевенко. — Вот, прошу вас... Это заявление в партию.

Комиссар принял из его рук густо исписанную четвертушку бумаги, развернул ее.

— Идя в бой с ненавистным врагом, — читал Стрельник, — я хочу заверить родную Коммунистическую партию, что буду драться за любимую Родину, не щадя жизни. Если погибну, прошу считать меня коммунистом...

С мостика передали:

— Шлюпка спущена, можно начинать посадку.

Поправляя на ходу автоматы и болтающиеся у пояса гранатные сумки, моряки поднялись на верхнюю палубу. Набросили на себя плащ-накидки.

— Ну, мы пошли, — сказал Стрельник Шестакову и протянул руку.

— Ни пуха вам ни пера, Петр Никитич, — ответил командир и неловко, по-мужски обнял комиссара за плечи.

Посадка была закончена быстро, и шлюпка тихо отошла от борта «Тумана». Весла, обвязанные ветошью, чтобы не слышны были всплески, бесшумно ударяли о воду. Дождь, частый и колючий, бил прямо в лица десанникам. Недалекий берег, еле просматривавшийся за во-

дяной сеткой, казался сплошной темной стеной, отвесно поднимавшейся из моря. Над вершинами скал повисли низкие тучи. Рокочущий гул прибоя заглушал все звуки.

— Эх, Миша, веслом работать не умеешь. Кто же так выворачивает? — шепотом укоряет старшина Кочевенко Терехина. — Пелевин, подмени его... Быстро же... Быстро!

— Тихо! Осторожно, товарищи, — наклонившись к гребцам, шепчет комиссар, не спуская глаз с медленно приближающегося берега.

Терехин молча отдает весло и спускается под банку. Ему обидно. Хочется объяснить старшине, что не виновен он, не учили его раньше ходить на шлюпке: служил на берегу, в хозяйственной команде. Но возражения не идут с языка. Не время сейчас для обид.

За весло берется Саша Пелевин. Ход шлюпки выравнивается. Она теперь идет быстрее и спокойнее.

Вот и берег. Киль шлюпки легко и мягко вошел в песок. Михаил Терехин и Виктор Левочкин выскочили на берег первыми, вытянули шлюпку из воды.

Был час отлива. Вода далеко ушла от берега, оголив усыпанную мелкими камнями отмель. Шлюпку пришлось далеко тащить от уреза воды, чтобы в час прилива ее не унесло в море. Ведь неизвестно, через сколько часов предстоит возвращаться обратно. А прилив ждать не будет, он приходит не запаздывая.

Подбитые гвоздями каблуки сапог с шумом соскальзывают с мокрых камней, поросших шелковистыми водорослями. Того и гляди упадешь. Шагать нужно осторожно, широко расставляя ноги — точь-в-точь как по качающейся корабельной палубе. Передвигаться приходится медленно, выбирая мягкий песок.

Подойдя вплотную к береговым скалам, десантники остановились. Несколько минут они прислушивались к ночной тишине. Казалось, все кругом было мертво. Только

с моря доносилось ритмичное шуршание волн, перекачавшихся по гальке, да где-то невдалеке стучала ровно и звонко капель. Ее монотонные удары напоминали спокойный ход больших старинных часов в огромном пустом зале.

— Без одной минуты час, — тихо сказал комиссар и вынул из кобуры пистолет. Этот жест был понятен каждому: вслед за Стрельником готовность оружия проверили и остальные.

— Все готовы? — чуть слышно спросил комиссар и, махнув рукой, сделал первый шаг.

Справа берег стоял почти отвесной стеной, слева — плавно снижался. «Значит, где-то поблизости лощина, а в ней мелкий кустарник и болотные мхи. Легче и незаметнее будет пробираться, — решил про себя комиссар и огорченно подумал: — Зато и крюк какой придется дать, обходя сопки. Времени много потеряем, пока доберемся до склада».

— Товарищ комиссар! — тихо позвал Кочевенко и, догнав Стрельника, пошел с ним рядом.

— Ну, чего тебе? — спросил комиссар.

— А что, если махнуть напрямки? Через скалу?

— Через скалу?

— Ну да. Не меньше часа выиграем.

Комиссар сначала замедлил шаги, потом остановился и молча, будто увидел впервые, взглянул на Кочевенко. Старшина молчал, выжидательно глядя на Стрельника. Тот не спеша снял капюшон, высоко поднял голову, измерил долгим взглядом высоту скалы. Потом обвел глазами поочередно всех матросов и вытер рукавом ватника мокрое от дождя лицо.

— Что ж, давайте попробуем! — после недолгой паузы сказал он и, посуровев, спросил, указав рукой на вершину крутой скалы: — Кто пойдет первым, чтобы закрепить конец?

— Я! — одновременно отчеканили Пелевин и Анисимов.

— Я! — выступил вперед Кочевенко.

— Я! — бросив руки по швам, вытянулся Терехин.

Все были готовы пойти первыми.

— Пойдут Пелевин и Анисимов, — приказал Стрельник.

— Есть!

Скинув плащ-накидки, забросив автоматы за спину, Пелевин и Анисимов начали взбираться на скалу.

Половину пути они преодолели довольно быстро, но дальше с каждым метром подниматься становилось все труднее и труд-

нее. Гладкий камень, ноги соскальзывают, зацепиться не за что. От дождя отяжелели ватники. Струйки холодной воды стекали за воротник. Помогая друг другу, моряки поднимались метр за метром все выше и выше. Иногда приходилось подтягиваться на руках, вставать на плечи друг другу, буквально ногтями вгрызаться в твердый гранит. Израненные руки кровоточили, но пальцы, как клещи, сжимали камень. А вершина скалы была еще далеко.

Вот когда вспомнил Михаил Анисимов занятия по гимнастике. Спорт был его страстью. Чем он только не увлекался: занимался на брусьях и поднимал штангу, летом играл в футбол, а зимой ходил на лыжах, состоял в команде гребцов и тренировался по боксу.

Анисимов посмотрел вниз. Неясные в темноте фигуры товарищей казались с высоты совсем крошечными. Время торопило.

— Еще немного, Саша, — подбадривал он своего напарника. — Вставай мне на ладони — я тебя выжму.

— Не выдержишь.

— Вставай-вставай... Не бойся.

— Ну, гляди, браток... — и Пелевин поставил на вытянутые руки Анисимова твердые подошвы сапог.

— И рра-аз! — выдохнул Анисимов и единым махом подбросил товарища вверх.

Пелевин ухватился руками за каменный выступ, подтянулся — и преодолел последние метры трудного пути. Спустя несколько секунд он уже стоял на вершине скалы и торопливо закреплял конец.

По спущенному концу все десантники быстро поднялись на вершину сопки.

— Молодцы! — похвалил смельчаков комиссар и пожал руки Пелевину и Анисимову.

Дальше путь стал легче. Можно было ускорить шаг. Но спустя несколько минут появилось новое препятст-

вие — болото. Может показаться странным: откуда взяться болоту здесь, в скалах, высоко над уровнем моря. Однако болота в заполярной тундре встречаются нередко. На вершинах горных плато, в каменных чашах, выдолбленных временем и ветрами, собирается вода. С годами она перемешивается с пылью, зарастает водорослями и превращается в стоячее болото. Сверху оно покрыто густым травяным наростом и внешне выглядит прочным, а ступишь — и ноги уходят глубоко в воду. Хорошо, что такие болота, как правило, невелики и их нетрудно обойти.

Десантники, миновав болото, поднялись на сопку и залегли, прячась за валунами. Внизу открылась цель их тяжелого и опасного пути. Гитлеровский склад, размещившийся в огромной воронке среди нагромождения развороченных взрывом каменных глыб, был хорошо виден сверху. Так строились во время войны многие фронтовые склады. На самом дне воронки, окруженной изгородью из колючей проволоки, рядами вытянулись штабеля ящиков, накрытые брезентом. Недалеко от них стояли ряды металлических бочек с горючим. Справа и слева от воронки, укрывшись от непогоды клеенчатыми плащами, вдоль изгороди прохаживались часовые.

Комиссар Стрельник поманил всех рукой и, когда бойцы подползли ближе, шепотом объяснил задачу:

— Быльченко и Пелевину незаметно подойти к часовому, стоящему слева, и бесшумно снять его. Терехину и Левочкину ликвидировать правого часового. После снятия часовых будете прикрывать нас огнем, если появятся фашисты. Вы, Кочевенко, пробирайтесь к дороге и наблюдайте за движением по ней. Обо всех изменениях в обстановке сообщайте условными сигналами. Мы с Анисимовым подберемся к складу и взорвем его. Предупреждение об отходе дам за две минуты до взрыва. Сигнал — красная ракета. Сбор у шлюпки. Помните об осторожности...

Немного помолчав, Стрельник уже другим голосом, по-отечески ласково, произнес:

— Ну, друзья, ни пуха ни пера...

Разошлись молча, тихо. Слышался только дробный шум дождя. Комиссар смотрел вслед уходящим и думал: «Впервые идут на такое трудное дело. Выдержат ли? Хватит ли сил?» И сам себе ответил: «Нет, не подведут...» Это он чувствовал по их уверенной походке, по тому, как они старательно переползали от камня к камню, смело продвигались к цели. «Нет, не подведут».

— Ну, поползли и мы, — тронул он за локоть Анисимова и первым начал спускаться по мокрым камням к подножию горы.

Вначале все шло так, как намечалось. В течение десяти минут без единого выстрела были сняты оба часовых. За это время Стрельник и Анисимов пробрались за изгородь, подползли вплотную к ящикам и начали закладывать среди них взрывчатку. Вдруг вдалеке, на дороге, послышался какой-то шум. Кочевенко передал, что приближаются машины с гитлеровцами. Спустя несколько минут к складу, гремя на ухабах, подъехала грузовая автомашина. Водитель подал сигнал... второй... третий... Ему никто не ответил, не вышел навстречу. Из машины выскочили солдаты и офицер. Сбившись в кучу, они стали совещаться, потом с криками бросились к воротам. Громко хлопнул выстрел. Ему ответила хлесткая автоматная очередь. У ворот завязалась ожесточенная перестрелка.

Стрельник про себя зло выругался.

— Давай спеши! — сердито сказал он Анисимову, который торопливо переставлял ящики, стараясь поместить заряд в середину штабеля.

На большой скорости к складу подошли еще две машины. Стрельник и Анисимов уже заканчивали присоединение бикфордова шнура. Трескотня автоматов усилилась.

Громыкнули две гранаты, за ними — еще две. Гитлеровцы были уже совсем близко.

Но вот все готово. Раскручивая за собой шнур, комиссар и Анисимов поползли к высокому уступу скалы, отчетливо вырисовывавшемуся на фоне серых облаков. Стрельник вытянул из-за пазухи ракетницу. Оставляя за собой жидкую полосу дыма, в черное небо медленно взмыла красная ракета. Стрельник поднес заранее зажженную папиросу к шнуру и, не отрывая глаз, следил за серым дымком, который неторопливо пополз к заряду.

Какими длинными казались секунды ожидания.

Перестрелка усилилась. Фашисты, их было более десятка, уже прорвались за ворота и приближались к ящикам.

«Еще метров десять осталось», — подумал Стрельник, провожая взглядом струйку дыма, улиткой передвигающуюся между камней.

Но что это?!

Неожиданно к небу с протяжным, как в сильную грозу, раскатистым громом взметнулся высокий столб пламени. Над уходящими в ночь скалами повисла клубящаяся шапка темно-бурого дыма, перемешанного с оранжевыми космами пламени.

— Кто взорвал склад? — крикнул Стрельник Анисимову.

Тот недоумевающе пожал плечами. И в этот момент раздался грохот второго взрыва. Волна горячего воздуха пахнула нестерпимым жаром в лица десантников. В воронке, там, где только что был гитлеровский склад, хлопотало пламя. С оглушительным треском, разлетаясь фонтанами огненных брызг, рвались снаряды и мины.

Прижавшись спиной к скале, Анисимов как завороченный смотрел на бушующее море огня. Глаза его были широко открыты, губы шевелились в неслышном шепоте.

Стрельник толкнул матроса в спину и, махнув рукой в сторону сопок, крикнул только одно слово:

— Давай!

Прикрывая головы от летящих сверху камней и комьев земли, они поднялись на скалу и поспешили к месту сбора. Обратный путь был проделан удивительно быстро — они просто не заметили его. Когда Стрельник и Анисимов спустились со скал к берегу, уже начинался прилив. Море вплотную подступило к вытащенной на отмель шлюпке. Они столкнули ее и остались по пояс в воде, с тревогой прислушиваясь к ночным шумам.

Первыми к месту сбора пришли Левочкин и Пелевин. Вскоре появился раненый Терехин. Из-под левого рукава его ватника белел бинт. Он сам себе сделал перевязку.

— Тяжело ранен Кочевенко. С ним Быльченко, но он тоже ранен, — доложил комиссару Терехин.

На помощь товарищам отправились Пелевин и Левочкин. Они вернулись быстро. На руках принесли Кочевенко и бережно уложили на днище шлюпки, укрыв ватниками.

Тихо, без команды весла ударили по воде. Шлюпка, набирая скорость, все дальше уходила от берега.

Кочевенко пришел в себя, когда «Туман» уже подходил к базе. Подле его койки на разномысле сидел комиссар.

— Как себя чувствуете, Кочевенко? Сейчас отправим вас в госпиталь, — негромко сказал Стрельник, склонившись над раненым.

— Товарищ комиссар... — сделал попытку приподняться старшина. — Я хочу... Я...

— Потом... потом. Лежите спокойно.

— Я хочу рассказать... Это ж я виноват... Я... Было так. Веду огонь из-за камня и вдруг слышу: подходят автомашины. Ну, думаю, туго теперь придется. Что делать? А бочки с горки мне хорошо видать. Потихоньку пополз

к ним. И тут мне пуля в спину ударила... Сначала я сгоряча и не почувствовал. Вижу: бочки рядом. С размаху ударил в днище одной ножом. Заструился бензин. Струйка тоненькая, будто из крана бензин льется. Вынул я спички, поджег и ногой оттолкнул бочку. Она покатилась прямо к ящикам. А вот дальше, хоть убей, ничего не помню...

Стрельник молча выслушал старшину. Потом встал, несколько раз взволнованно прошелся по кубрику, снова сел. Как ни старался он говорить спокойно, голос выдавал его.

— И ни в чем-то ты не виноват, старшина. Молодец! Спасибо тебе! — Стрельник наклонился и неловко поцеловал Кочевенко в сухие, горячие губы. — Ты достоин звания коммуниста! Я первый дам тебе рекомендацию.

Комиссар снова вскочил с разножки и принялся мерить шагами короткое расстояние от койки до двери.

В кубрик, громко цокая подковками ботинок, спустился Саша Пелевин. По яркому румянцу на щеках матроса было видно, что он чем-то взволнован.

— Что стряслось, Пелевин? — спросил Стрельник.

— Дело, понимаете, деликатное, — замялся матрос. — Как быть с музыкой на текущий момент, товарищ комиссар?

— С музыкой? О какой музыке вы говорите? — удивился Стрельник.

— Да про гармошку я. Можно ли сейчас на ней играть?

— Если исправная гармошка, то, конечно, можно, — улыбнулся Стрельник. — А разве вам не позволяют?

— Я было начал, а Поляков ругается. «Не время, говорит, сейчас музыкой заниматься... Кругом такое творится». И Марченко тоже с ним заодно. А другие матросы против. Поспорили, а решить не можем... Вот я и пришел.

Комиссар подошел к Пелевину:

Песня и стих —

Это бомба и знамя,

И голос певца поднимает класс... —

Помните, чьи это слова?

— Как же, помню. Маяковского! — расцвел улыбкой матрос.

— Верно. Песня и музыка никогда никому не мешали — играйте и пойте! С песней веселее воевать!

„ПОСЛЕ БОЯ СЕРДЦЕ ПРОСИТ МУЗЫКИ ВДВОЙНЕ“

На войне, как известно, не бывает выходных дней. На фронте и в воскресенье и в будни — всегда дел по горло. И потому так радостно становится на душе у матроса, когда вдруг неожиданно-негаданно выпадает желанный отдых. Пусть редко это случается, тем радостнее короткие минуты фронтового веселья.

Сегодня кубрик «Тумана» полон музыки и песен. Моряки не привыкли грустить. Коль драться так драться, а веселиться так веселиться! Такова уж морская душа!

Тесно в кубрике. Все свободные от вахт матросы собрались здесь. Старается гармошка. Трудно ей. Веселые возгласы, дружный раскатистый смех забивают ее переливчатые трели. Но напрасно! Не сдается гармонь. Надывается, но не сдается.

— А ну, шире круг!

— Шире!

— Еще шире!

Негде развернуться для настоящей матросской пляски. Плотным кольцом окружили моряки гармониста Сашу Пелевина:

Эх, яблочко,

Корабельное!

Наша дружба с тобой

Нераздельная!

Басит вместе со всеми радист Михаил Анисимов, и ноги его в такт музыки выбивают лихую чечетку:

Эх, яблочко,
Веселей цвети!
Нам с тобой, дружок,
Вместе в бой иди!

— Э-эх! — сбросив фланелевку, чертом выскочил в круг пулеметчик Рахов. Походка у Аркадия плавная, перестук каблуков о палубу легкий, еле слышный. Трудно устоять, чтобы не пуститься с ним в пляс!

Если дел гора —
Не пугаемся.
Ведь недаром мы
Хваткой славимся!

Когда в круг вошел Иван Быльченко, все покатались со смеху. Еще бы! Куда ему, огромному морячине, с Раховым тягаться. А Иван и ухом не повел на смех. Пляшет себе молчком. Старается парень вовсю.

— Давай, Иван! Давай! Поддай жару! — кричат ему друзья. Все знают, пляшет он сегодня от большой радости: письмо получил от зазнобы. И портрет во весь конверт. А на обороте всего два слова. А какие слова: «Навек твоя». Ну как тут не заплясать!

Вчера перед строем командир благодарность Ивану объявил за быстрый и отличный ремонт материальной части. После возвращения из похода он первым доложил, что его боевой пост к бою готов.

Жарко Ивану, щеки румянцем расцвели, по лбу капельки пота ползут, но он не сдается. А матросы хохочут, подбадривают:

— Жми, Иван! На полные обороты!

Не всем, конечно, пляска по душе. Немало на корабле и любителей песни. Стоит только старшине 2-й статьи Георгию Бессонову начать: «Ревела буря, дождь шумел...» — как песню подхватывают десятки голосов.

Любит эту задушевную русскую песню и комиссар Стрельник. Об этом на корабле знают все. Что нравится ему в ней? Тревожная грусть или широкое раздолье? Трудно сказать. И вообще нелегко ответить, почему у каждого своя любимая песня. Есть она и у Петра Стрельника. Рожденный в степном украинском селе, с детства мечтал он о море, о его широких и бескрайних просторах. Мальчишкой часто убегал к Днепру и подолгу сидел на крутом берегу, любуясь плавным течением усталых летних вод. По Днепру шли красавцы пароходы. Белые и легкие, пролетали они, как чайки, и манили Петю за собой в неизвестные морские дали. Видимо, в эти минуты и родилась в его мальчишеском сердце мечта стать моряком.

...Милые, беззаботные детские годы! Неповторимое время мальчишества! Кажется, оно ушло от нас навсегда. Но так ли это? Вот даже сейчас, когда нам далеко за сорок и на плечах у нас погоны старших морских офицеров, когда серебристым инеем посыпаны волосы, а дети наши окончили десятилетку, мы не забываем свои далекие мальчишеские мечты. Откуда и как прилетела в наше детство первая чайка, на каком ветру мы впервые услышали трепетание корабельных флагов, какие волны пересыхающих летом речек подняли нас однажды на пенящийся гребень? Мечта, родившись, жила и вела за собой, поднимала нашу юность на могучих крыльях... Нет! Мы никогда тебя не забудем, наше детство! Ведь из твоей радостной бухты мечтаний мы выходили в свое

первое плавание. Ты нам всегда дорого, золотое время мальчишества!

Нелегким был для Петра Стрельника путь к морю. Окончив начальную школу в родном селе, юноша приехал в Киев и поступил в заводское училище. С большим желанием изучал он свою будущую специальность слесаря. Потом началась самостоятельная работа в цехе. Он надел рабочую форму — темно-синюю сатиновую спецовку. В ее левом нагрудном кармане лежала жесткая маленькая книжечка — заводской пропуск. Радостный и гордый спешил Петр по утрам на работу. Трудовой коллектив, как родного сына, принял его в свою семью. Хорошие, честные и внимательные люди окружили паренька заботой и любовью. «Как хорошо мне здесь», — не раз говорил сам себе Петр. Но его по-прежнему манило море. Вечерами, отдыхая в парке над Днепром, юноша снова, как в детстве, часами любовался уходящими к морю теплоходами. Мечта не давала покоя, неотступно звала за собой. Работая, молодой слесарь одновременно учился на вечернем рабфаке. Он знал: для поступления в военно-морское училище нужны большие знания.

Через три года Петр надел морскую форму. Юноша добился своего. Окончив военно-морское политическое училище, Петр Никитич Стрельник стал морским офицером, политработником.

...В разгар матросского веселья в кубрик вбежал запыхавшийся Михаил Климов:

— Новая стенгазета, братва! Прошу любить и жаловать!

Моряки окружили редактора, помогли ему прикрепить газету к переборке:

— Вот это дали прикурить!

— Оверкиль!!!

И раскатистый матросский смех разлился по кубрику:

— Хорошо огонек!

Немало было высказано едких слов при чтении короткой заметки, в которой рассказывалось о сигнальщике Илье Тимофееве, о том, что он плохо заботится о своем заведовании. «В последнем походе у нерадивого сигнальщика запутался фал, и это задержало подъем важного сигнала. Командир объявил Тимофееву строгий выговор», — писала газета. Заметка кончалась немудрыми сатирическими стихами:

Эй, Илья, прими сигнал:
Содержи на «товсь» свой фал!

— Эй, Илья, прими сигнал! — кричит Сергей Хлюстов. Но Тимофеев уже удрал из кубрика.

— Пошел опровержение писать, — смеется кто-то из моряков.

— Да, не попадайся на зуб нашей газете.

— Холодной водицей окатит и пропесочит как следует.

— Бить надо разгильдяев! — твердо говорит Иван Быльченко.

— Верно, это Климов сочиняет, — с уважением подтверждает Георгий Бессонов.

— Мой командир — поэт? Вот это да! — удивляется радист Костя Блинов.

— Поди, целую тетрадь исписал, — улыбается Караваев. — Читать мне давал. Хорошие стихи. О море, о службе нашей.

Снова задорно и звонко заиграла гармоника, зазывая моряков в круг.

— Сыграй, Саша, что-нибудь задушевное, — просит Бессонов.

Пелевин растянул мехи и быстрой музыкальной скороговоркой пробежался по клавишам:

— Заказывайте!.. Что сыграть?

В кубрик вошел комиссар. Гармошка на минуту смолкла.

— Веселитесь, товарищи! Веселитесь!

Кто-то крикнул:

— «Ревела буря... давай!»

И в наступившей тишине зазвучала любимая мелодия. Первым начал песню комиссар. Голос у него был мягкий, сердечный. В оперный театр, может быть, с таким голосом и не взяли бы, но для друзей он был лучше самых знаменитых баритонов. Пел Стрельник негромко, отчетливо выделяя каждое слово. Когда песня требовала особой взволнованности, он понижал голос и пел совсем тихо.

С рассветом глас раздастся мой,
На славу и на смерть зовущий...

— задушевно выводил комиссар.

Он стоял, окруженный матросами, чуть-чуть запрокинув голову, положив руку на плечо гармониста. Казалось, в эту минуту в нем поет все — и сердце, и душа, и сияющее от счастья лицо.

БЛАГОДАРИЮ МОРЯКОВ ЗА ОГОНЕКИ

По корабельной трансляции передали:

— Отбоя ко сну не будет. Сразу после ужина становимся под погрузку угля. К утру быть готовыми к выходу в море. Срочное боевое задание.

Эта весть с быстротой молнии разнеслась по кораблю. На боевых постах оживление. Матросы осматривают механизмы, проверяют оружие.

В каюте командира собрались офицеры корабля.

— Я поговорю с коммунистами и комсомольцами, — сказал комиссар. — Специально собирать не буду, с каждым в отдельности потолкую.

Шестаков согласно кивнул и обратился к офицерам:

— Командиры боевых частей пусть займутся со своими подчиненными. Каждый матрос, каждый старшина должен знать, что идем на серьезное дело... — Сделав небольшую паузу, он твердо закончил: — Куда и зачем идем — и вы и они узнаете позже. Все! Вы свободны, товарищи!

Поздно вечером корабль встал под погрузку угля. Ночь прошла в напряженном труде. Только моряки кораблей-угольщиков знают, как тяжела эта работа. Одновременно на корабль принимались боезапас, продовольствие, питьевая и котельная вода. Поработать морякам пришлось крепко. Усталые, уже за полночь, вернулись они в кубрик. Едва успели помыться и переодеться в чистую робу, как затрезвонили колокола громкого боя, залилась пронзительным свистом боцманская дудка:

— Корабль к бою и походу изготовить!..

Через час «Туман» вышел в море.

Там, где Кольский залив делает крутой поворот к выходу в океан, корабль завернул в одну из тихих бухт. У причала, под прикрытием высоких скал, стояли сторожевые корабли и катера «малые охотники». Несмотря на раннее утро, здесь царило оживление. По трапам кораблей непрерывным потоком шли люди в ватниках, обвешанные гранатами, перекрещенными на груди пулеметными лентами, с автоматами за плечами.

— Алеша, ясно куда путь держим? — спросил у Караева вахтенный рулевой Костя Семенов. — Смекаешь?

— Морская пехота... Значит, полундра фрицам! — подержал его Караев.

Погрузка шла быстро. Приняв на борт десантников, корабли по-одному уходили из бухты. Курс — открытое море.

...В начале июля сорок первого года фашистские войска, действовавшие на Крайнем Севере, предприняли вторую отчаянную попытку с ходу сломить сопротивление со-

ветских войск и любой ценой захватить Мурманск и главную базу Северного флота — город Полярный. С этой целью на северном побережье Финляндии и в Норвегии враг сосредоточил отборные егерские части, прошедшие школу боев в горных районах Греции и на острове Крит. Сюда были стянуты также крупные военно-морские и воздушные силы гитлеровцев. Количественный перевес был на стороне фашистов.

В первые дни боев фашистам ценой больших потерь удалось продвинуться немного вперед. Они были, как им казалось, недалеко от цели. После выхода к реке Западная Лица до Мурманска оставалось всего лишь несколько десятков километров.

Трудно было нашим войскам в те июльские дни сорок первого года. Но советские воины держались стойко, дрались до последней возможности, бились за каждую сопку, за каждый камень. В это тяжелое время на помощь армейцам пришли моряки, наша славная морская пехота — «черная смерть», как ее называли фашисты. На самые трудные участки фронта командование посылало отряды моряков. В критические моменты боев в атаку поднимались матросы. Сбросив с себя защитные солдатские гимнастерки и стальные каски, они шли на врага в своих легендарных сине-белых тельняшках и бескозырках с развевающимися на ветру лентами.

Так было под Одессой и Севастополем, под Ленинградом и Сталинградом. Так было и в сопках Заполярья, на подступах к Мурманску.

В ночь на 7 июля командование Северного флота решило высадить морской десант в тыл гитлеровским войскам, подошедшим к Западной Лице. В высадке десанта предстояло участвовать и «Туману».

На мостике сторожевика настороженная походная тишина. Еле слышно плещет вода под форштевнем, да откуда-то из глубины корабля доносится глухой гул рабо-

тающих машин. Тишину изредка нарушают негромкие вскрики чаек, низко пролетающих над морем.

— Лев Александрович, — нарушил молчание Стрельник, — Мироненко мне вчера опять докладную подал.

— О чем?

Но разговор офицеров прервался. На сторожевом корабле, идущем впереди, был поднят какой-то сигнал. Шестаков, обладавший хорошим зрением, обычно успевал читать сигналы раньше, чем о них докладывали сигнальщики.

— Поворот вправо, — тихо сказал он Стрельнику, и в ту же секунду вахтенный сигнальщик громко доложил:

— На флагмане «покой»¹ до половины!

— Хорошо. Продолжайте наблюдение.

— Есть!

Не опуская глаз с впереди идущего корабля, Шестаков спросил комиссара:

— О чем докладная-то?

— В морской отряд просится.

— Говорил с ним?

— Говорил... «Хочу, говорит, с живыми фашистами лицом к лицу встретиться и собственными руками душить. И не уговаривайте, говорит, товарищ комиссар. До наркома дойду, а своего добыюсь».

— Ну, и что же мы ему ответим?

— Жалко отпускать, Лев Александрович. Хороший артиллерист и хлопец хороший. Общественник. Спортсмен... Жалко. Но отпустить, по-моему, все же придется. Трудно сейчас на суше. Хорошие люди и там нужны. Прут фашисты на Мурманск.

— Согласен, Петр Никитич. Пусть идет, — наклонил голову в знак согласия Шестаков. — Так и ответьте ему.

¹ Сигнальный флаг, обозначающий букву «П» русского алфавита. В данном случае — приготовиться к повороту вправо.

Впереди, в бледно-серой утренней дымке, далеко вдаваясь в море, маячили черными бесформенными глыбами гранитные скалы полуострова Рыбачьего. Ни одного белого пятнышка. В последние дни июня стояла невиданная для Заполярья жаркая погода — и весь снег согнало подчистую. Обычно он залеживался в расщелинах скал до июля, а в иные годы не стаивал и все лето.

Дул порывистый, не по-июльски холодный норд-ост. Он гнал с океана тучи, похожие на густой дым, в середине темные, почти черные, по краям бледные и жидкие. Моряки Севера знают: это самый верный признак того, что погода скоро совсем испортится и начнется затяжной, с короткими перерывами дождь. Североморцам знакома «кухня погоды». Служба в Арктике многому их научила.

— Как барометр? — поинтересовался Шестаков у вахтенного офицера.

— Падает, — ответил тот. — Быстро падает.

«Недурно, — подумал про себя командир, — нам хорошенький штормик сейчас не помешает».

«Штормик»! За этим ласковым словом стояли многие опасности и трудности. Но в войну шторм нередко бывал другом североморцев, помогая морякам бить врага. В плохую погоду, когда фашисты менее всего ожидали нападения, наши подводные лодки и торпедные катера лихо налетали на вражеские конвои, проникали в базы противника и топили его транспорты и боевые корабли прямо у причалов. И «хорошенький штормик» помогал им в этом.

На флагмане подняли сигнал «люди»¹. Корабли разворачивались влево. Десант приближался к месту высадки.

¹ Сигнальный флаг, обозначающий букву «Л» русского алфавита. В данном случае — поворот влево.

— Уже скоро...— негромко произнес Шестаков.— Подходим...

Стрельник передал свой бинокль вахтенному офицеру и подошел к командиру.

— Пройду-ка я на боевые посты, Лев Александрович. У тебя есть какие-нибудь указания? — спросил он.

Шестаков в ответ отрицательно покачал головой, продолжая вглядываться в темноту, скопившуюся у прибрежных скал. Очертания сопков становились все более отчетливыми; уже можно было различать границы лошин и отлогие подьемы гор.

Сойдя с мостика, комиссар направился к комендорам. У носовой пушки находился по готовности номер один оружейный расчет Георгия Бессонова. Старшина молодцевато доложил:

— Орудие к бою готово!

Стрельник оглядел людей, потом подошел к пушке, открыл и закрыл замок, попробовал, как вращаются маховики вертикальной и горизонтальной наводки.

— Внимательно следите за командами, — предупредил он матросов и старшину. — Каждую секунду будьте готовы! Подойдем почти к самому берегу. Если потребуются огонек — дайте так, чтобы фашисты и на том свете вас вспоминали!

Посмотрев на море, Стрельник ткнул рукой в сторону Рыбачьего и взволнованно сказал:

— Трудно сейчас там. Фашисты напролом лезут, не глядя на потери. Торопятся захватить Мурманск, уничтожить наш флот. Всех нас...

— Да, трудно там, — подтвердил Бессонов и умолк.

Наступила тишина. Несмотря на шумные порывы ветра, было хорошо слышно, как мерно, спокойно работают машины, глухо стучат в борта волны и над палубой отчетливо звучат похожие на взлет голубиной стаи

короткие всплески корабельного флага, развевающегося на сильном норд-осте.

Комиссар первым нарушил молчание.

— Вы знаете цель нашего похода? Мы спешим на помощь своим боевым товарищам пехотинцам. Мы не пустим врага в Мурманск! — сказал он гневно и твердо. И слова эти прозвучали как призыв, как клятва. — Берег уже рядом, — комиссар взглянул на приближающиеся сопки. — Будьте начеку, матросы!

В машинном отделении комиссар появился в тот самый момент, когда там завязался разговор о письме, которое Александр Косач получил от родителей из Белоруссии.

— Что пишут? — спросил Стрельник.

— Урожай в этом году больно хороший... Только успеют ли убрать. Фашисты здорово лезут. Батя так вот прямо и пишет, — сокрушенно покачал головой матрос и протянул письмо Стрельнику.

— Да, едва ли успеют... — взяв в руки тетрадный листок, исписанный неровными каракулями, с грустью сказал Стрельник. — Жалко... Наше богатство пропадает, советское. Труд народный... — и, положив руку на плечо Косача, глухо произнес: — Бой скоро, матрос. Дадим фашистам жару!

— Мы что... Наше дело такое — внизу сидим, не стреляем...

— Ход корабля в бою — это тоже вроде главного калибра. От машинистов многое зависит. Особенно сегодня.

— Все будет сделано, товарищ комиссар! На машинистов можете положиться, — отчеканил старшина Александр Смирнов.

— Сохрани, — передал письмо Косачу Стрельник. — Обязательно сохрани, матрос.

Комиссар поспешил на камбуз. «Утро сегодня труд-

ное, и ночь была нелегкой. Устал народ, — думал он, поднимаясь по трапу. — Что там кок на завтрак готовит... Усилить, пожалуй, придется...»

В кубрике, где разместились десантники, в это время шел оживленный разговор.

— С эсминца нас тут пятеро, — говорил широкогрудый моряк своему соседу.

— А мы с подлодки. Двое нас.

Сидящий за столом пожилой черноусый мичман рассказывал двум внимательно слушавшим его молодым морякам:

— Сам об этом в газете читал. Да и те, кто в настоящие переделки попадали, говорили: боятся фашисты грудь с грудью в бою с нашими встречаться. Они известные храбрецы, когда их на одного русского солдата десятков приходится.

— Дома одна мать осталась, — подперев рукой щеку, рассказывал синеглазый старшина, то и дело поправляя перекрещивающие плечи пулеметные ленты. — Отец и братья на фронт ушли... А давно ли другое было. Думал, кончу службу — всего-то несколько месяцев оставалось — и снова на завод... А тут — на тебе — все полетело вверх тормашками. Четыре года ждала девушка моя. Настенькой зовут, — старшина вынул из кармана фотокарточку и передал товарищу.

В тихий разговор неожиданно вплеся громкий бас:

— Говорил я этому каптёрщику: малы мне сапоги. Нет, убеждает, разносишь... Его бы послать самого разношивать!

— Может, мои подойдут?.. Возьми, — предложил молчавший до сих пор трюмный машинист Михаил Алешин. Он только что сменился с вахты и спустился в кубрик, чтобы немного отдохнуть.

— А сам в чем ходить будешь? Босиком, что ли?

— А я здешний, с «Тумана». Мне на палубе и в твоих неплохо будет.

Сапоги оказались басу по ноге.

— Гляди ты, будто на меня сшиты, — радовался он. — Спасибо, друг, век не забуду. А каптёрщику вернусь — покажу!..

Привычный рокот машин вдруг изменился. Это заметили все, и каждый про себя подумал: «Подходим... Сейчас начнется!..» Влетевший в кубрик рассыльный прокричал:

— Десанту приготовиться к высадке!

Шестаков передвинул ручку машинного телеграфа на малый ход и перешел на левое крыло мостика. Отсюда лучше наблюдать за высадкой людей. Уже подготовлен трап. Десантники поднялись на верхнюю палубу.

«Неспокойный человек наш комиссар. Везде поспевает», — ласково думал Шестаков, глядя на Стрельника, беседовавшего с матросами, которым через несколько минут предстояло первыми покинуть корабль.

«Туман» к месту высадки десанта подошел четвертым. Группа первого броска уже успела зацепиться за берег. Из ложины, скрытой за мысом, похожим на утиный клюв, доносились автоматные очереди, разрывы ручных гранат, взвизги мин. Гитлеровцы пытались воспрепятствовать высадке и сбросить десант в море.

Погода, как назло, начала улучшаться. Прогноз метеорологов на этот раз не оправдался. Ветер, изменив направление, стихал. Среди серых туч появились нежно-голубые просветы, сквозь которые уже успело несколько раз проглянуть постоянно бодрствующее полярное солнце. Но сейчас никто не был ему рад, и не одно крепкое матросское слово было отпущено по его адресу.

Фашисты вызвали авиацию. Прилетевшие штурмовики обрушивали удар за ударом по десанту. Они налетали из-за сопки, низко прижимаясь к земле. Корабельная ар-

тиллерия их обстреливать не могла. Положение высадившихся десантников стало критическим. Они нуждались в немедленной помощи.

Трап не доставал до берега. Подойти же вплотную к урезу воды «Туману» не позволяла малая глубина.

— Прыгай в воду! — скомандовал кто-то из десантников и первым бросился в набегавшую прибрежную волну. Холодные брызги обдали его с ног до головы. Примеру смельчака последовали другие.

— Стой! — крикнул во все горло боцман Саблин и вместе с матросом Филиппом Марченко соскочил в воду. Ухватившись за конец тяжелой дубовой сходни, они положили ее себе на плечи. Десантники один за другим стали прыгать с трапа на песчаную отмель.

Неожиданно из-за туч выскочил немецкий пикирующий бомбардировщик и, нацелившись на «Туман», начал стремительно снижаться. Пулеметчики, не ожидая команды, открыли огонь. Фашист не выдержал — отвернул с курса и сбросил бомбы. Они упали далеко в стороне от корабля, подняв высокие водяные столбы.

С вершины крутой скалы, поросшей мелким кустарником, по кораблю ударил миномет. Его, видимо, только что установили. Позицию враг выбрал удачно: сверху была видна как на ладони вся бухта. Фашисты открыли прицельный огонь по «Туману» и высаживающимся десанникам. Один из морских пехотинцев, сраженный насмерть, свалился со сходни в воду. Тихо вскрикнув, присел в воде раненый Филипп Марченко. Сходня покосилась. Саблин, сгорбившись от тяжести, положил ее себе на спину. К нему на помощь бросился старшина 2-й статьи Иван Волок.

— Давай помогу, боцман!

— Ничего, выдержу...

Десантники продолжали высадку.

— Подавить миномет! — приказал командир.

Орудийные расчеты только и ждали этой команды.

— Огонь! — отрывисто выкрикнул Дмитрий Егунов и раз за разом взмахнул рукой. Несколько снарядов пронеслось к минометной точке. После четвертого выстрела миномет умолк.

— Молодцы комендоры! — похвалил Шестаков.

Вскоре высадка десанта закончилась, и «Туман» отошел от берега на широкий водный простор. Здесь можно было маневрировать, чтобы уклоняться от бомб и снарядов.

Комиссар уже успел побеседовать с раненым Марченко и поблагодарить боцмана Саблина за находчивость и выдержку. Вновь поднявшись на верхнюю палубу, он похвалил артиллеристов:

— Вот так всегда и действуйте!

Сигнальщик, ни на минуту не отнимавший бинокля от глаз, выкрикнул:

— На флагмане сигнал: «Открыть огонь по береговым целям!»

«Малый охотник», который шел впереди «Тумана», обозначал цели. Он по радио держал связь с корректировочными постами на берегу и получал от них необходимые данные для корабельных артиллеристов. Оба орудийных расчета «Тумана» открыли огонь. Снаряды ложились где-то за сопками. Даже взрывов не было видно, слышались только глухие, как гром, раскаты.

К семи часам утра небо почти совсем очистилось от туч. Успокоился порывистый норд-ост. Полярное солнце, по-южному щедрое, высоко поднялось над черным нагромождением гранитных скал. Сопки, освещенные солнечными лучами, посерели, будто их густо выкрасили в шаровый цвет. Резче обозначилась редкая зелень.

Гитлеровцы словно только и ждали появления солнца. Со стороны берега показалось несколько бомбардировщиков. Два из них устремились на «Туман». С мостика рулевому и в машинное отделение полетели команды:

«Вправо», «Влево», «Малый ход», «Самый полный назад»... «Туман» окружили бомбовые всплески. Его швыряло из стороны в сторону, как утлую лодчонку. Корпус, казалось, стонал от напряжения.

Выйдя из пике, бомбардировщики развернулись над морем и устремились в повторную атаку. По ним открыли огонь пулеметчики. Огненные трассы потянулись к небу многоцветными перепутанными шнурами. Снизившись, фашистские летчики сбросили свой смертоносный груз. Фонтаны воды обрушились на палубу «Тумана». Осколки дробно застучали по надстройкам. Рулевой едва успевал перекладывать руль: так быстро и часто менялись команды. Машинный телеграф звонил, не умолкая ни на секунду.

Комендоры, стараясь не смотреть на небо, по которому с завыванием металась черная тень бомбардировщиков, продолжали стрелять по берегу. Снаряд за снарядом уносился за островерхие сопки.

— Побольше огоньку, товарищи! Бейте их, гадов, нещадно! — выкрикнул комиссар, подбегая к носовому орудю.

— По этим бы ударить, товарищ комиссар! — на секунду оторвался от прицела наводчик Андрей Сидоренко и показал на вражеские самолеты. — Уйдут ведь!

— Огонь по берегу важнее. Там сейчас решается победа! — ответил Стрельник. — Нажмем, товарищи!

И матросы нажимают. Скорострельность возросла до предела. Тонкие стволы орудий накалились — не притронуться... А пушки все бьют и бьют.

И вдруг со стороны берега донеслось перекатывающееся громом «ур-р-а-а!»

— Молодцы! Какие же они молодцы, эти ребята! — восторженно выкрикнул Шестаков и не в силах сдержать рвущуюся из сердца радость порывисто обнял вернувшегося на мостик Стрельника.

А Стрельник сорвал с головы фуражку и, подбежав к обвесу мостика, крикнул так, что его слышали по всей палубе:

— Ура десантникам! Морская пехота соединилась с армейцами!

Словно отголосок шелестящего над берегом далекого грома, по кораблю пронеслось дружное матросское «ура!».

Через несколько минут с флагманского корабля на «Туман» передали радиогранму с берега от старшего армейского начальника:

«Благодарю моряков за огонек!»

Артиллеристам жмут руки. Их поздравляют. Они сегодня — именинники.

Все дальше за кормой остаются скалистые горы Рыбачьего. «Туман» возвращается в базу. Над палубой звучит команда:

— Отбой боевой тревоги.

НОВЫЙ БОЕВОЙ ПРИКАЗ

Собрание личного состава открыл комиссар Стрельник.

— Получен новый боевой приказ. Командование поставило перед нашим кораблем ответственную задачу. Нам поручено нести дозорную службу на подходах к Кольскому заливу.

В кубрике тишина. Только в открытые иллюминаторы слышно, как бьется за бортом волна. С причала доносятся трели сигналов и голоса команд.

— Что означает нести дозорную службу? В чем ее главная задача? — продолжает Стрельник. — Это значит, что нашему «Туману», как часовому, ввернется охрана морских подступов к главной базе флота. Мы обязаны зорко следить за морем и воздухом, чтобы ни один корабль, ни один самолет врага не прошел к нашим берегам

незамеченным. Несение дозорной службы — трудная и ответственная боевая задача.

Комиссар внимательным взглядом обвел серьезные лица моряков. Что он мог сейчас прочесть в их глазах? О чем думает, например, боцман Саблин, внимательно вглядываясь в голубой кружочек неба, видимый через иллюминатор? Может быть, он вспомнил свою родную деревушку, что затерялась где-то в густых Вологодских лесах, веселые и шумные походы мальчишеских ватаг по грибы и за ягодами...

Стрельник поставил перед моряками вопрос прямо:

— Готовы ли мы выполнить эту ответственную задачу?

Боцман встал первым и твердо сказал:

— Готовы!

Со всех сторон послышались голоса:

— Выполним, товарищ комиссар!

— Справимся!

— На то мы и коммунисты!

— И комсомольцы!..

Стрельник молча слушал эти короткие фразы, и гордость за боевых друзей переполняла его сердце. «Прекрасный народ у нас на «Тумане». С такими любая задача по плечу», — думал он растроганно. Ему хотелось сказать об этом вслух, но он сдержался. Сияющие глаза и радостная улыбка выдавали его волнение. Не случайно матросы «Тумана» называли улыбку комиссара «флагом корабля». Она ободряла их в трудные минуты, освещая радость лица, звала за собой, вселяла в матросские сердца уверенность в победе. Вот такая была у комиссара «Тумана» Петра Никитича Стрельника улыбка!

Голоса стихли. Кубрик снова наполнился тишиной. Только солнечный лучик, отраженный от стекла иллюминатора, лениво полз по переборке. По верхней палубе простучали чьи-то шаги.

Вынув из кармана кителя несколько сложенных листов бумаги, Стрельник поднял их высоко над головой:

— Товарищи, на имя командира корабля поступило несколько докладных. Большинство из них написаны коммунистами и комсомольцами нашего корабля. Я прочитаю некоторые из них. Вот что пишет, например, радист Анисимов:

«Прошу направить меня на самый трудный участок фронта. Отдам все свои силы и до последней капли крови буду бить фашистов до полного их разгрома», — прочитал громко комиссар, отчетливо выделяя каждое слово. — А вот докладная нашего боцмана. Он пишет:

«Прошу командование послать меня первым, если будет высадка десанта с нашего корабля.

Боцман А. Саблин».

Подал докладную и рулевой Александр Пелевин. В ней говорится:

«Я, как советский моряк и комсомолец, прошу послать меня на передний край фронта. Сражаться буду с врагом до самой окончательной победы».

В кубрик вошел командир корабля. Он что-то тихо сказал Стрельнику и остался стоять рядом с ним.

Комиссар продолжал:

— Мы с командиром, конечно, гордимся вами, но... — он на минуту замолчал и убежденно закончил: — Но всех отпустить на сухопутный фронт никак нельзя. Вы нужны здесь, на корабле.

Шестаков неторопливо вышел из-за стола. Солнечный лучик, скользя по лицу командира, заиграл на ярко начищенных пуговицах его кителя.

— Комиссар прав, товарищи, — спокойно начал Шестаков. — Вы сейчас нужны здесь, на корабле. Это должен хорошо понять — да, да, именно понять, — повторил он, — каждый коммунист и комсомолец. Надо, чтобы это осознали все наши старшины и матросы, — командир шаг-

нул вперед, боясь, что его не услышат, и чуть повысил голос: — Вы знаете, что в ближайшие дни мы впервые выйдем в дозор. Для нас это новая задача. Надо хорошо подготовиться к длительному походу. Пусть каждый из вас на своем посту с честью выполнит все, что от него требуется, и поможет товарищу...

Сигнал воздушной тревоги прервал выступление командира. Через полминуты кубрик был пуст. Комиссар, уходя, успел бросить лишь одну короткую фразу:

— Собрание продолжим после отбоя тревоги...

Налет на базу длился более часа. Фашистские бомбардировщики сделали несколько заходов. Главной их целью были корабли, стоявшие у причалов. Сюда они и направили свой удар. Но все попытки врага забросать гавань бомбами провалились. Меткий многослойный огонь корабельных орудий и зенитных батарей, расположенных на вершинах сопков, окружавших бухту, каждый раз сбивал гитлеровских летчиков с боевого курса. Обозленные неудачей, они сбрасывали бомбы куда попало. Особенно сильно пострадали жилые кварталы. В городе возникли пожары.

Ясное летнее небо заволокло черным дымом. С палубы «Тумана» хорошо видна зловещая картина пожара. До боли сжав пальцами поручень мостика, Стрельник молча смотрел на оранжевое пламя, все выше и выше поднимающееся над крышами домов. Там, где-то близко от этого жадного, как голодный зверь, огня, находится его дом.

«Дома ли Анна? Что с ней? Не пострадала ли при налете?»

Жена комиссара Анна Стрельник наотрез отказалась эвакуироваться в тыл.

— Буду помогать тебе! — твердо заявила она мужу и в первый же день войны поступила медицинской сестрой в госпиталь.

Налет на базу застал Анну Стрельник в операционной госпиталя. Здесь только что начали оперировать тяжело

раненного матроса. Сигнал воздушной тревоги не заставил хирурга, склонившегося над раненым, прервать операцию. Спокойное, молчаливое мужество врача передавалось его помощникам. Бомба упала совсем рядом с госпиталем. Зазвенели разбитые стекла окон, с потолка посыпалась штукатурка. Одна из сестер, не выдержав напряжения, вскрикнула. А хирург даже не оглянулся. Только еще ниже склонился над раненым, заслоняя его своим телом.

Когда окончилась операция, Анне передали, что видели, как в базу входили вернувшиеся с моря корабли. Госпиталь находился рядом с военным портом. Из его окон хорошо была видна вся гавань.

Анна бросилась к выходу. Ей не терпелось хоть издали увидеть знакомый силуэт корабля, на котором служил муж.

Пожар слабел. Оранжевых языков пламени уже не было видно. Дым редел.

— Товарищ комиссар, разрешите доложить?

Стрельник отвел взгляд от пожара, увидел рядом с собой командира отделения пулеметчиков Аркадия Рахова:

— Слушаю вас, Рахов.

— Матрос Удович по тревоге не явился на боевой пост. Искали повсюду. На корабле его нет.

— Где же он?

— Говорят, на берег сошел... К знакомой.

— Опять Удович, — резко сказал комиссар. — Немедленно послать за ним и доставить на корабль. На этот раз он от трибунала не уйдет. Хватит!

После отбоя коммунисты и комсомольцы снова собрались в кубрике. Командир и комиссар пришли вместе.

— Продолжим собрание, — негромко предложил Стрельник.

По его суровому взгляду, по насупленным бровям все поняли: комиссар расстроен.

— Комсомолец Удович, — начал Стрельник, — снова грубо нарушил воинскую дисциплину. Он без разрешения сошел на берег. Не явился по боевой тревоге на свой пост... А ведь мы предупреждали его, и не один раз. Он обещал, каялся — и снова обманул.

Негодование охватило всех собравшихся.

— До каких пор он будет позорить нас! — выкрикнул Алексей Караваев.

— Гнать его из комсомола! — поддержал Пелевин.

— Мало! Морду надо бить за такое! — не вытерпел Иван Быльченко и поднял над головой увесистые кулаки.

Слово попросил секретарь комсомольской организации Георгий Бессонов.

— Мы на бюро уже обсудили недостойное поведение Удовича и приняли единогласное решение исключить разгильдяя и пьяницу из комсомола. Он позорит наш корабль и свое матросское звание.

— Правильное решение, — подтвердил командир. — Дело о самовольной отлучке, а вернее, дезертирстве Удовича будет передано в трибунал.

В кубрик спустился рассыльный. Он вручил старшему лейтенанту Шестакову бланк только что принятого семафора. Прочитав, командир передал бланк Стрельнику.

— Нас с комиссаром вызывают в штаб дивизиона, товарищи, — сказал Шестаков. — Закрывая собрание, я хочу еще раз напомнить вам, что через несколько дней наш корабль заступит в боевой дозор. Я уверен, личный состав «Тумана» с честью выполнит эту задачу. Мы с комиссаром надеемся на вас, товарищи коммунисты и комсомольцы! Вы — наши самые надежные помощники.

...Под вечер на «Туман» доставили подарки от тружеников тыла.

В кубриках и на верхней палубе оживление. Еще бы! Кто из фронтовиков не помнит той торжественной минуты, когда ему вручали подарки из далекого тыла: лю-

бовно вышитый кисет с махоркой, вязаные рукавицы, теплые носки или пару украшенных незатейливыми цветами платочков. Этот простой и скромный подарок был дороже всего на свете. В нем воины видели горячую любовь Родины, отеческую заботу народа.

— Кто бы ты ни был, — читал вслух вложенное в посылку письмо командир отделения химистов Владимир Поляков, — я твоя мать. Я благословляю тебя, мой сын, на бой за нашу землю. Пусть всегда тебя согревает моя материнская любовь и ласка...

— Вот это девушка! — восхищался рулевой Саша Пелевин, показывая товарищам фотокарточку девушки с веселыми, озорными глазами. — Красивая... И план на двести процентов выполняет. Молодчина!.. Как в такую не влюбиться!..

В одной из посылок, пришедшей с далекого Кавказа, оказалась бутылка хорошего вина.

— Это «Букет Абхазии», — радуется Сидоренко. — Це гарна штука!

Кто-то в шутку предлагает:

— Отдай Удовичу... Пусть опохмелится.

— Кому? Трусую? — возмущается Пелевин, не поняв шутки. — Ты послушай, что здесь написано: «Самому храброму и смелому моряку. Выпей после трудного боя — и к тебе снова вернутся силы».

— Самому храброму!..

— А у нас, кроме этого хлюпика, трусов нет, — говорит Бессонов. — У нас все смелые. Правда, хлопцы?

— Верно! — одобрительно загалдели вокруг.

— Отнести бутылку в госпиталь нашим раненым. Пусть быстрее поправляются, — единодушно решают матросы.

— А я що толкую, — улыбается Сидоренко и без сожаления передает бутылку Бессонову. — На, Жора. Ты придумал, тебе и нести.

Долго, до самого отбоя, в тот вечер взволнованные моряки «Тумана» читали письма, делились воспоминаниями о далеком доме, мечтали. Каждый думал о своем: о родной семье, о жене, о любимой, о заводе, где впервые пришлось познать радость труда, о близком сердцу городе. И все это сливалось в одно слово — Родина. Каждый из них знал, что война — дело временное. Отгремят бои — и они снова вернутся в родные края, к своему любимому очагу, к трудовой жизни. Так будет! Они в этом уверены! Ради этого они идут сегодня в бой.

СЛЕДОВАТЬ ПРЕЖНИМ КУРСОМ!

В ночь на 5 августа, обменявшись позывными с кораблем, несшим дозор, «Туман» заступил на морскую вахту. Со сменившегося сторожевика передали светограмму «Счастливого плавания», и он ушел в базу.

Началась служба, полная тревог и волнений. Корабль совершал свой бесконечный поход между двумя береговыми точками на полуострове Рыбачьем и острове Кильдин, расположенными друг от друга в нескольких десятках миль. Здесь — вход в Кольский залив, где находится Полярный — главная база Северного флота — и один из

крупнейших советских портов — Мурманск. Дозорные корабли, как часовые, охраняли эти широкие морские ворота, чтобы враг не мог проникнуть сюда незамеченным. А фашисты уже не раз пытались сделать это. Особенно усердствовали их подводные лодки. Но гитлеровцы каждый раз уходили восвояси не солоно хлебавши, натываясь на бдительность наших дозорных кораблей. Удары глубинных бомб и меткие артиллерийские залпы отправили на дно у советских берегов уже не одного гитлеровского пирата.

Хорошая погода установилась прочно и надолго. Август в Заполярье — самый спокойный месяц. Холодные ветры редки. Граница вечного льда в океане отошла далеко на север. В Арктике разгар лета. Цветут неяркие тундровые цветы. Увеличивается население шумных птичьих базаров. Чаше гремят сопровождаемые теплыми дождями грозы. Таким был и август сорок первого года.

Вахтенный журнал «Тумана» ежедневно пополнялся новыми записями: «Обнаружена подводная лодка противника. Сброшено десять глубинных бомб...» «Легли на курс 213 градусов...» «С оста два самолета противника. Высота 1500 метров. Выпущено по 8 снарядов каждым орудием».

Каждый день из Кольского залива на боевые задания уходили наши корабли: подводные лодки и эскадренные миноносцы, сторожевики и тральщики, большие охотники и торпедные катера. Одни корабли выходили в море, другие возвращались домой с победами. Их первым встречал и последним провожал дозорный корабль. Они по-товарищески, как рукопожатием, обменивались позывными.

Так прошло четверо суток.

Вечером 9 августа свободные от вахты моряки, как всегда, собрались в большом кубрике. По радио передавали последние известия. Советское Информбюро сообщало о кровопролитных сражениях, которые завязались по всему гигантскому фронту Великой Отечественной войны. От вражеских бомбежек и обстрелов горели города и села

Белоруссии и Украины, фашистский сапог топтал земли Прибалтики и Молдавии, все туже стягивалось железное кольцо блокады вокруг Ленинграда. Советские воины, не щадя жизни, дрались за каждую пядь родной земли. Ценой большой крови и огромных потерь враг медленно продвигался вперед.

Жестокие бои шли и в Заполярье, на правом фланге великого фронта. Несколько дней назад фашистские войска начали свое новое генеральное наступление на Мурманск. Приказом гитлеровского командования в бой были брошены крупные силы пехоты и авиации. Резко усилил свою активность на море и вражеский флот.

«Стоять насмерть! Ни шагу назад!» — таков был приказ Родины. И защитники Заполярья с честью его выполнили. Твердо и непоколебимо, как гранитные скалы, стояли они на своих рубежах.

За 9 августа в сопках у Западной Лицы, на полуостровах Рыбачьем и Среднем нашим солдатам и матросам пришлось отбить около десяти самых ожесточенных атак. Бой шел круглые сутки. Противник на смену разбитым подтягивал все новые и новые горно-егерские полки. Но гитлеровцам так и не удалось продвинуться вперед.

Жаркие схватки с противником разгорелись в те дни и в небе над Кольским заливом. Только днем 9 августа гитлеровцы трижды крупными силами совершали налеты на наш флотский аэродром. В воздушных боях враг потерял более двух десятков самолетов. Много и крепко пришлось поработать нашим летчикам-истребителям. Одна тревога сменялась другой. Зенитчики ни на минуту не отходили от пушек. Своим огнем им не раз в течение дня доводилось отгонять фашистских налетчиков.

В ночь на 9 августа, находясь на боевой позиции у норвежских берегов, североморская подводная лодка атаковала крупный фашистский транспорт и потопила его. Два эскадренных миноносца, помогая нашим войскам, более

трех часов вели обстрел вражеских береговых укреплений и уничтожили несколько огневых точек противника.

Так закончился еще один день войны — 9 августа 1941 года.

Наступившая ночь для «Тумана» началась спокойно. Вахтенный офицер лейтенант Рыбаков заносил в журнал цифры быстро сменявшихся координат и курсов. Время двигалось медленно, почти незаметно. Лейтенанту эта ночь казалась особенно длинной. Уж очень тихо было вокруг. Он не верил в тишину на войне и поэтому придирчивей и чаще обычного вглядывался в белесый горизонт, то и дело задавая вахтенному сигнальщику один и тот же вопрос:

— Ну, как? Что видите?

И в ответ слышал неизменное:

— Горизонт чист.

Полночь. Стрелки корабельных часов сошлись в вершине циферблата. Рыбаков примостился поудобней и сделал первую запись на новой странице вахтенного журнала: «10 августа.

Следуем генеральным курсом к намеченной точке поворота...»

Моряки спали тем чутким, тревожным сном, который хорошо знаком людям, прошедшим дорогами войны. Бодрствовала лишь вахта. Море было спокойным, почти штилевым. Нежный береговой ветер слегка рябил лиловато-розовую поверхность воды, подкрашенную негаснувшей вечерней зарей. Еле слышно бились волны о борт корабля. Тишину полярной ночи нарушали своим неугомонным криком только чайки — эти постоянные спутники моряков.

«Удивительно, и когда они только спят?» — думал сигнальщик Виктор Левочкин, ощупывая биноклем горизонт, застанный белой дымкой.

Одна из чаек, коснувшись на бреющем полете воды, взмыла кверху и, широко распластав крылья, с пронзительным криком пронеслась над мостиком. Левочкин даже

вытянул руку, хотел схватить смелую птицу, но опоздал. Быстро снижаясь, чайка уже приближалась к воде. Окунувшись, она снова с радостным клекотом взвилась над палубой «Тумана».

— Уже завтракает, обжора, — с улыбкой сказал сигнальщик.

У Виктора Левочкина с детства любовь к птицам. Родился и вырос он в безлесных просторах донецких степей. А где нет леса, там мало птиц — и тем дороже они человеку. Соседи удивлялись: почему у Левочкиных в саду так много всегда пернатых гостей. Их сад-то, кажется, невелик. А секрет был прост. Их хорошо здесь встречали. Виктор знал повадки птиц, умел угощать их. Ранним тихим утром он любил сидеть у раскрытого окна и слушать веселые концерты дружного птичьего хора.

А вот поведения чаек он до сих пор не может понять. Чем больше наблюдает за ними, тем загадочнее для него становятся эти птицы. «Это, видно, оттого, что гордые они, — думал Виктор. — Дети моря...»

На мостик поднялся командир.

— А ты уж здесь, Петр Никитич? — удивился он, встретившись лицом к лицу с комиссаром.

— Отдохнул часок-другой — и хватит... Не спится что-то, Лев Александрович. Тревожно на душе.

— И я, понимаешь, глаз не сомкнул, — признался Шестаков. — Причины будто нет, а не спится.

Командир долго молчал, всматриваясь в море. Он стоял лицом к солнцу, низко повисшему над синими сопками далекого берега. Хорошо выбритые щеки Шестакова то ли от солнца, то ли от возбуждения горели ярким румянцем. В матовом свете полярной ночи четко вырисовывалась его статная фигура. Старший лейтенант отличался педантичной аккуратностью в ношении морской формы. Никто из экипажа корабля никогда не видел своего командира небрежно одетым. Воротнички его кителя были белее

январского снега, пуговицы сияли маленькими солнцами. Командиру старались подражать и все офицеры «Тумана».

— Самолет противника! — вдруг громко выкрикнул сигнальщик.

Распугав чаек, отзвенели колокола громкого боя. Корабль ожил. Гремя подковками ботинок по ступеням трапов, матросы бежали на боевые посты.

— Разведчик, — тихо сказал Шестаков, рассмотрев самолет.

— Всегда с разведчиков начинается, — также тихо произнес Стрельник.

Сигнальщик непрерывно докладывал высоту и курс самолета.

— Кормовому оружию открыть огонь! Носовому приготовиться! — приказал командир.

Фашистский воздушный разведчик шел на большой высоте. Ударили первые выстрелы. Несколько белых облачков повисли перед черной остроносой машиной. Самолет круто развернулся и ушел на запад. Вскоре он растворился в бледно-лиловом просторе неба. Над кораблем снова закружили скрывшиеся на время стрельбы чайки.

Отбой. На палубе оживление. Моряки подтрунивают над комендорами:

— В белый свет попали?

— Небось подыхать фрицы полетели...

Третий час ночи. До подъема еще далеко. Матросы вернулись в кубрики. Кажется, койки еще хранили тепло их тел. Не раздеваясь, ослабив только поясные ремни и сняв ботинки, люди снова легли спать. Не слышно ни разговоров, ни смеха. Дорога каждая минута отдыха.

Не спится трюмному машинисту Ивану Быльченко. Через час ему заступать на вахту. Хотел вздремнуть — и не смог. Вечерняя сводка тяжким камнем легла на сердце. Фашисты подошли к родным местам. Может быть, сейчас, этой ночью, они ворвались в село, подожгли хату, ведут на

расстрел старушку-мать... А где сейчас та, которую он так и не посмел поцеловать, боясь обидеть? Где она, его первая любовь? Что теперь будет с ней? Он достал из кармана ее последнее письмо, вытащил из конверта фотографию.

Нет, никак не заснуть Ивану Быльченко. Широко открыты синие, как васильки, глаза. Он ворочается с боку на бок. Подвешенная к подволоку койка тихо качается. А сон не приходит. Скрипнула дверь, по трапу застучали шаги. Это идут будить вахту. Быльченко сунул портрет в конверт и спрятал письмо в карман.

В пятом часу утра вахтенный офицер Леонид Рыбаков обнаружил на горизонте еле видимые дымки. Они то исчезали, то снова появлялись над изломанной кромкой горизонта.

— Три неизвестных корабли! — коротко доложил он командиру.

Шестаков нацелил бинокль на горизонт:

— Неизвестные, говоришь?.. Не наши — это ясно. Объявить боевую тревогу!

Переливчатая трель колоколов громкого боя вновь разнеслась по кораблю.

Рыбаков записал в вахтенный журнал:

«...04 часа 25 мин. Обнаружены три эсминца противника. Дистанция 55 кабельтовых, курсовой угол 90 градусов правого борта. Объявлена боевая тревога...»

Комиссар поспешил в радиорубку:

— Оповещение о выходе наших кораблей в море было?

— Нет, товарищ комиссар, не получали, — доложил вахтенный радист Константин Блинов.

Стрельник возвратился на мостик:

— Да, это не наши!

— Эсминцы противника. Теперь уже их хорошо видно. Типа «Редер»... — говорил Шестаков, не отрывая глаз от бинокля. — Форсируют ход...

Комиссар взглянул в сторону вражеских кораблей. Они шли полным ходом, быстро сближаясь с «Туманом». Их темные силуэты резко выделялись на бледном полотне утреннего неба. «Многовато их!» — подумал Стрельник и вслух сказал:

— Нахально, однако, лезут... Нахально.

— Да уж чего-чего, а этого им не занимать. Нахальства у них хоть отбавляй, — поддержал Шестаков.

С боевых постов на мостик один за другим поступали донесения о готовности. «Туман» продолжал идти назначенным путем. Вражеские эсминцы перестраивались в строй уступа.

— Разворачиваются... — про себя сказал командир и быстро прикинул в уме: «Три эсминца, на каждом по пяти 130-миллиметровых орудия, большая скорость — и наш сторожевичок, переделанный из рыболовного траулера, с двумя 45-миллиметровыми пушками». — Мда-а, неутешительная арифметика, — сказал он вслух.

— О чем ты, Лев Александрович? — спросил Стрельник.

— Арифметика неутешительная, говорю, — усмехнулся Шестаков и приказал вахтенному офицеру: — Следовать

прежним курсом! Доложите обстановку в штаб. Бой примем! — и снова повернулся к Стрельнику: — Что скажет комиссар?

— Примем! — решительно ответил Стрельник и направился к трапу. — Пойду к матросам. Поговорю с народом.

— Самый полный вперед! — резко передвинув ручку машинного телеграфа, прокричал в переговорную трубу Шестаков и спросил у Рыбакова: — Вам ясен мой маневр, лейтенант?

— Не совсем, — смутился помощник командира.

— Прижмемся ближе к берегу. Там нас прикроют наши батареи, — пояснил Шестаков и рукой, в которой был зажат бинокль, ткнул в сторону Кильдина, черным горбом выпиравшего из воды. — Успеть бы только... Скорость у нас маловата.

Дистанция между «Туманом» и эскадренными миносцами противника быстро сокращалась. Командиру все время докладывали:

— Дистанция сорок кабельтовых... Тридцать пять...

— Поставить дымзавесу! — приказал Шестаков.

Химист Владимир Поляков включил аппаратуру. У него давно все было наготове, и он только ждал команды. Густой шлейф дыма потянулся за кораблем, расширяясь и поднимаясь ввысь. Усилившийся ветер медленно смещал завесу вправо, оголяя левый борт корабля.

Орудийные расчеты застыли в ожидании приказа открыть огонь. Машины работали на максимальных оборотах. Напряженно дрожал корпус корабля. Черный дым завесы густым, непроницаемым облаком расползлся за кормой «Тумана».

Комиссар, сойдя на палубу, замер у трапа. До него доносились слова, которым он сразу даже не поверил.

— Уходить надо... — тянул кто-то испуганным, вздрагивающим голосом. — Их вон сколько...

Стрельник по писклявому голосу узнал говорившего. Это — молодой машинист Василий Лавренко. «Интересно, что он скажет еще», — подумал комиссар, но не вытерпел и пошел на шкафут, откуда доносился голос Лавренко. Стрельник в своих отношениях с подчиненными не любил окольных путей, он всегда действовал открыто, начистоту.

А писклявый голосок продолжал по-бабьи причитать:

— И пушек, гляди, сколько у них. Скорость к тому же... В один миг разобьют. Все равно что мухе против слона воевать...

Комиссар ускорил шаги.

— Лавренко! — громко и властно позвал он. — Что вы здесь делаете? Где ваше место по боевому расписанию?

— В ко-о-тельной... — заикаясь, ответил матрос.

— А почему вы здесь?

— Да вот, к земляку зашел... Ребята послали узнать, как тут наверху. В машинном ведь не видно нам ничего.

-- Марш на свое место! — приказал комиссар.

— Есть! — выкрикнул Лавренко и метнулся к трапу.

— Я уж ему, товарищ комиссар, по-всякому толковал. Не гоже, говорю, нам от фашистов удирать. А он свое мелет. Арифметика, говорит, на их стороне. Хорошо, что вы подошли, а то бы я ему доказал одну теорему по-нашенски, — показав огромный кулак, объяснил матрос Филипп Марченко. На голове у него еще белела повязка. Из госпиталя он выписался досрочно: не хотел отставать от товарищей.

— Ничего, он и так поймет, — сказал, уходя, Стрельник. А сам подумал: «Молодой еще, необстрелянный. Во-время помочь, на правильный путь поставить — хороший боец выйдет».

Комиссар направился к кормовому орудию. Старшина Дмитрий Егунов приготовился доложить о готовности орудия, но Стрельник остановил его:

— Ясно, Егунов. Все готово — сам вижу.

— Скоро ли, товарищ комиссар? — взволнованно спросил наводчик Яков Колывайко.

— Скоро, товарищи. Уже скоро... Сами видите! — и Стрельник указал в сторону приближающихся эсминцев. Стволы их пушек были наведены на «Туман».

— А чего ждать? Начнем первыми! — нетерпеливо сказал заряжающий Тимофей Мироненко.

— Время нам нужно выиграть. Поближе к своим батареям подойти.

— Успеем ли? Они вон как жмут.

— Ничего. Для наших пушек чем ближе подойдут, тем лучше, — и комиссар похлопал по стволу сорокапятимиллиметровки.

На мостик продолжали поступать доклады:

— Дистанция до противника тридцать кабельтовых... Двадцать пять...

Командир спокойно выслушивал донесения. Приказания отдавал кратко:

— Усилить дымзавесу!

— Форсировать ход!

Стрельник спустился в машинное отделение. То, что он там увидел, обрадовало его. Старшина Александр Смирнов и вахтенные Сергей Хлюстов и Иван Ломтев усердно протирали ветошью механизмы, будто готовились к смотру. Работали они не спеша, спокойно. В помещении было душно, и Стрельник только сейчас почувствовал, что его нательная рубашка стала мокрой от пота.

— Ну как там, наверху?.. Скоро, товарищ комиссар? — спросил почему-то полусшепотом Смирнов.

— Скоро, — ответил Стрельник. — Теперь уже скоро. Минут через пятнадцать... Трудно будет, товарищи. Очень трудно! Сами понимаете: три эсминца против одного «Тумана». Но мы все равно их не пропустим... Может быть, все здесь останемся, но не пропустим, — комиссар внимательным взглядом обвел моряков и задержался

на прятавшемся за спинами товарищей Лавренко. — Поняли меня, Лавренко?

— Ясно, товарищ комиссар, — смущенно ответил тот, не поднимая от палубы глаз.

Машинисты переглянулись, не понимая, почему комиссар обратился только к Лавренко. Стрельник улыбнулся:

— У нас тайна с ним. Пока что не будем раскрывать ее. Так, Лавренко?

Матрос молчал. Он казнил себя за малодушие, за глупые, трусливые слова, ненароком слетевшие с языка. Уже очень боязно ему вдруг стало на палубе, когда он, поднявшись из грохочущего машинного отделения, внезапно окунулся, словно в ледяную воду, в тревожную тишину и увидел черные тени, со страшной неумолимостью приближавшиеся к «Туману».

В груди у Лавренко будто что-то оборвалось. «Вот сейчас, сейчас скажет, — думал он, задыхаясь, и не сводил испуганных глаз с лица комиссара. — Тогда не стоит и жить. Если товарищи узнают о его разговоре на палубе, они посмотрят на него так же, как смотрели на ушедшего с корабля перед походом Удовича. Нет! Нет! Только не это...»

Но комиссар промолчал.

Лавренко едва не захлебнулся от нахлынувшей радости. «Значит, он еще верит мне, надеется на меня», — подумал он и тихо сказал, почти прошептал:

— Так, товарищ комиссар.

Медленно и тягучи минуты ожидания. Но особенно нудно тянутся они в самый последний момент перед боем. И, кажется, никто и ничто не может ускорить их бега.

Всматриваясь сквозь бинокль в приближающиеся вражеские корабли, Шестаков на какое-то мгновение мысленно представил себе старшн и матросов корабля, ожидающих сейчас его команд и приказов. Машинисты и коммендоры, сигнальщики и радисты, они как бы проходили

перед ним, и он успевал заглянуть каждому в глаза. «Нет, эти не подведут. На них можно положиться!» Уверенность в подчиненных окрыляла командира.

Гитлеровские эсминцы продолжали сближаться с «Туманом».

— Что они задумали? — спрашивал сам себя Шестаков. — Неужели хотят взять нас живьем?.. Пленить?

На вражеских кораблях сыграли боевую тревогу. Перезвон колоколов громкого боя был хорошо слышен на «Тумане».

— Дистанция до противника двадцать кабельтовых! — доложил сигнальщик.

Легкий бриз, как это часто бывает в ранние часы солнечного утра, немного усилился. В чистом небе появились редкие облака — предвестники устойчивой погоды. Однако сейчас на корабле никто не замечал ни поднявшегося над горизонтом солнца, ни белоснежных кучевых облаков. Взоры всех, кто находился на мостике и палубе «Тумана», были прикованы к черным силуэтам вражеских кораблей.

— У вас все готово, Петруша? — спросил комиссар, переступив комингс¹ кают-компания.

— Все готово, товарищ комиссар! — доложил санинструктор и снова склонился над столом, заваленным перевязочными пакетами и медикаментами. Ему помогал машинист Алешин. По боевому расписанию он являлся помощником санинструктора.

Стрельник оглядел кают-компанию и остался доволен. Длинный обеденный стол и диванчики были застелены белоснежными простынями. В углу, на электрической плитке, парила большая никелированная банка — бикса — с хирургическими инструментами. Палуба сверкала чистотой.

— Не хуже чем в настоящей операционной, — поймав

¹ Здесь — порог.

придирчивый комиссарский взгляд, поспешил заверить Петруша.

В это время над их головами звонко гроыхнул выстрел. Зазвенели склянки и инструменты на столе.

— Вот и началось!.. — пересиливая дрожь в голосе, сказал Стрельник и, чуть сгорбившись, направился к двери.

Петруша и Алешин, не сговариваясь, склонились над столом. Их ловкие руки заработали еще проворней.

ДЕРЖАТЬСЯ ДО ПОСЛЕДНЕЙ ВОЗМОЖНОСТИ

Чайки с испуганным криком взметнулись над кораблем и серой стаей понеслись к берегу. Их испугал грохот разорвавшегося поблизости снаряда и черный дым. Чайка — птица смелая, но осторожная. К этому ее приучило море.

— Противник открыл огонь! — доложил вахтенный сигнальщик Иван Бардан, увидев у борта головного эсминца светло-оранжевое пламя орудийных залпов.

«...4 ч. 35 м. Противник открыл огонь из 6 орудий. Дистанция 20 кабельтовых», — сделал запись в журнале Рыбаков.

Первые вражеские снаряды, зловеще просвистев, упали с небольшим перелетом. Из моря на большую высоту взметнулись белые столбы воды. В ту же минуту открыли ответный огонь и обе пушки «Тумана».

Артиллеристы истомились в ожидании приказа. На их глазах немецкие корабли почти вплотную подошли к «Туману». Ненависть кипела в их сердцах, искала выхода.

И вот наконец команда:

— Огонь!

Всю свою силу, всю злость вложили артиллеристы в эти первые залпы по врагу.

Командир орудия старшина Егунов после каждого выстрела приговаривал:

— На, сволочь, получай!.. Вот тебе еще гостинчик, Адольф проклятый!..

— Эх, бить так бить гадов! — кричал подносчик снарядов Петр Ефанов.

Возле вражеских кораблей выросли водяные султаны. Один из снарядов угодил в корму головного эсминца. Клуб черного, как деготь, дыма поднялся над его палубой.

— На-ка, получай еще! — выкрикнул заряжающий Тимофей Мироненко, быстро дослал снаряд и взмахнул рукой: — Готово!

Второй залп кораблей противника дал недолет.

Чтобы помешать врагу пристреляться, Шестаков начал маневрировать и приказал усилить задымление.

«Туман» шел артиллерийским зигзагом, делая резкие повороты то вправо, то влево. Вдруг корабль сильно встряхнуло. Ослепительная вспышка пламени на корме заставила людей зажмурить глаза. Грохот, пришедший позже, больно ударил по барабанным перепонкам. Вражеский снаряд разорвался недалеко от кормовой пушки. Осколки дробью застучали по надстройкам. Загорелись сложенные на корме дымовые шашки. Едкий дым пополз по кораблю.

На мостик доложили:

— Рулевое управление вышло из строя, повреждена антенна, убиты химист Поляков и подносчик снарядов Ефанов, ранены Мироненко и Пелевин.

Взрывная волна сбросила орудие за борт. На палубе осталась только исковерканная нижняя часть тумбы. Людей разметало в стороны. Во время взрыва Тимофей Мироненко стоял возле пушки, держа в руках снаряд. Еще секунда — и он дослал бы его в казенник ствола. Горячий вихрь откинул матроса к леерной стойке. Оглушенный взрывом, еще не успев осмыслить происшедшее, Миро-

ненко лежал, прижимая к груди снаряд. Какое-то мгновение он молча смотрел на его блестящий наконечник, потом вскочил на ноги, зло выругался и швырнул снаряд за борт в сторону вражеских кораблей.

Саша Пелевин лежал на палубе, распластав руки. Его чистые, как у ребенка, глаза были широко открыты.

— Пить... Пить... — тихо шептали губы.

Мироненко поднял Пелевина на руки и, пошатываясь, понес на санитарный пункт. Только сейчас он почувствовал острую боль ниже колена. Горячая струя крови медленно стекала по ноге, пятная чистую палубу.

Внимание Шестакова привлекла катушка компаса. Она стремительно бежала вправо. Корабль уклонялся от заданного курса.

— Рулевое управление вышло из строя! — доложил Семенов. — Корабль катится вправо.

— Перейти на ручное управление рулем!

Рулевой бегом бросился выполнять приказание. Вслед за ним на корму поспешил и штурман лейтенант Букин. Пробираясь на ощупь сквозь густой, удушливый дым, они спустились в румпельное отделение¹.

Но их настойчивые попытки сдвинуть руль с места ни к чему не привели.

— Заклинило намертво, — сказал Букин. — Позови еще кого-нибудь, может, втроем осилим.

Лейтенант Рыбаков записал в журнал:

«...4 ч. 42 м. Противник перешел на поражение. Попадание снаряда в корму. Перебит штуртрос руля. Начался пожар. Снарядами сбита дымовая труба, сорвана антенна, поврежден мостик и рулевая рубка. Имеются убитые и раненые. Личный состав ведет борьбу за живучесть...»

Радисты Михаил Климов и Михаил Анисимов —

¹ Помещение на корабле, где расположен пост управления рулем вручную.

«близнецы», как в шутку называли их на корабле, быстро поднялись по вантам на мачту и под градом осколков принялись сращивать перебитую антенну.

— Старшина! — крикнул Анисимов после близкого взрыва. — Берегись! — И голова радиста сама собой втянулась в плечи.

— Кому кланяешься? — стараясь перекричать грохот, насмешливо спросил Климов. — Подавай скорее конец! Теперь крепи его. Вот так...

Через несколько минут Шестакову доложили:

— Радиосвязь восстановлена.

— Помощник, передайте в штаб обстановку! — приказал командир Рыбакову.

Потеряв управление, «Туман» медленно разворачивался вправо. Комендорам носовой пушки надстройка закрыла фашистские корабли. Наводчик Андрей Сидоренко, разгоряченный боем, прибежал на мостик:

— Хоть малость разверните корабль. Мы им дадим еще жару, товарищ старший лейтенант!

Но «Туман» не слушался руля. Пожар на корме разрастался с каждой минутой. Огонь пробрался в кладовую, где хранилась краска. Через разбитые иллюминаторы пламя вырывалось наружу, лизало надстройки и палубу. По деревянному настилу огонь подобрался к стеллажам глубинных бомб и ящикам со снарядами. Прибежавший на корму Стрельник первым заметил угрожающую кораблю смертельную опасность. Прикрыв лицо фуражкой, он крикнул: «Аварийная партия, ко мне!» — и бросился в огонь.

Из густого багрового облака выскочил боцман Саблин. Возглавляемая им аварийная партия изнемогала в неравном поединке с огнем. Лицо боцмана было черным от копоти и ожогов. Одежда на нем дымилась.

Пожар быстро усиливался. Шланги, подтянутые к корме для тушения огня, были разорваны в клочья оскол-

ками снарядов. Пламя уже охватило доски снарядных ящиков. Еще минута — и раздастся взрыв.

На помощь комиссару бросился минер Николай Кочевенко. Следом за ним устремился Саблин.

— За борт их! За борт! — кричал боцман, сталкивая ящики в воду. Ему помогал Кочевенко. Моряк забыл о предупреждении врачей не делать резких движений. Рана еще не зажила окончательно. Но разве сейчас он думал о себе!

— Бомбы! Бомбы сейчас рванут! — слышался чей-то испуганный бас.

Это был Иван Быльченко. Он с разбегу ворвался в пламя и стал торопливо отдавать крепления глубинных бомб. Потом на секунду выскочил из огня, сбросил с себя горящую фланелевку и ринулся обратно. Тяжелые, многопудовые бомбы одна за другой полетели за борт.

Не обращая внимания на визг осколков, Шестаков ровными шагами мерил палубу мостика. В уголке его упрямо сжатых губ торчала давно погасшая папироса. Изредка он бросал беспокойные взгляды в сторону скрытой дымом кормы.

— Рулевое управление действует! — радостно доложил будто выросший из-под земли Константин Семенов.

— Хорошо, — невозмутимо бросил командир. — Лево на борт!

— Есть! — ответил рулевой и, орудуя одной левой рукой, завертел штурвал. Правая рука Семенова чуть выше локтя была пробита осколком. Из-под манжета форменки сочилась кровь.

Когда нос «Тумана» стал заметно склоняться влево, Шестаков улыбнулся краешком губ и, отвернувшись от ветра, зажег папиросу.

Корабль снова лег на боевой курс, и сразу заговорило носовое орудие «Тумана».

— Бей их! — зло выкрикивал, заряжая пушку, старшина Бессонов.

Из всего орудийного расчета в живых остался он один. Но пушка продолжала вести огонь. Бессонов сам подносил снаряды, сам заряжал, сам наводил орудие на цель. Один из посланных им снарядов ударил в борт эсминца. Над вражеским кораблем взметнулся столб огня и дыма.

— Ага, получил, гад! На еще!.. — разгоряченный боем Бессонов хватал снаряд за снарядом и быстро заряжал пушку. На помощь ему прибежал раненый Яков Колывайко, наводчик кормового орудия. Голова матроса была стянута бинтами. Сквозь их белизну проступали алые пятна крови.

Позади мостика «Тумана» с оглушительным грохотом разорвался снаряд. Взрывная волна разбросала людей, находившихся поблизости от места взрыва. Рулевой Семенов со стоном схватился за раненую руку и упал грудью на рулевую тумбу.

«Туман» снова перестал управляться. Тросы руля были перебиты осколками, и штурвал свободно накатывался то на один, то на другой борт. Наскоро перетянув

раненую руку бинтом, Семенов снова полез в румпельное отделение.

Осколками следующего снаряда, разорвавшегося перед мостиком, был ранен командир корабля.

Шестаков всплеснул руками, будто хотел поймать что-то над головой, и закрыл искаженное болью лицо ладонями. Из-под пальцев по серой щеке поползла широкая струя крови.

— Командир ранен! Командир... — раздался чей-то испуганный выкрик и оборвался, скомканный спокойным приказом Рыбакова:

— Прекратить шум! Санинструктора Петрушу на мостик!

— Ничего, я сам. Ничего... — шептал запекшимися губами Шестаков. — Мне уже лучше... Ничего...

Прибежал Иван Петруша.

— Дайте бинт... Я сам, — слабым голосом попросил Шестаков и снял с головы фуражку. — Идите к раненым, Петруша. Я справлюсь сам. Идите.

— Товарищ командир, разрешите...

— Я приказываю, Петруша... Идите!

Санинструктор оставил Шестакову бинт, склянку с йодом и быстро спустился с мостика.

Шестаков присел на вынесенную из штурманской рубки разномыслию.

— Теперь совсем хорошо, — перебинтовав голову, облегченно вздохнул командир и поднялся на ноги.

...Фашистские эсминцы охватили «Туман» полукругом. Артиллерийская канонада не утихала. Враг хорошо пристрелялся по лишенному управления, полуразрушенному сторожевику. Снаряды с воем пролетали над кораблем. Падая в воду, они выбивали из моря огромные водяные столбы. Свежая моряна и течение медленно сносили окутанный дымом, изрешеченный снарядами корабль в сторону черневшей на горизонте полосы советской земли.

Многие тумановцы были ранены по два — три раза, но до тех пор, пока в теле сохранялось хоть немного силы, ни один из них не покинул своего боевого поста.

«Туман» продолжал биться с врагом. Один против трех больших, хорошо вооруженных немецких боевых кораблей дрался еще недавно мирный траулер. Его единственная уцелевшая пушка посылала снаряд за снарядом в фашистов, и ее резкого, звонкого уханья не мог заглушить адский грохот тяжелых вражеских орудий.

— Леонид Александрович, — обратился командир к Рыбакову, — узнайте точно, сколько людей вышло из строя...

Договорить он не успел. Снаряд ударил в правое крыло мостика. Шестаков упал замертво, не промолвив ни слова. Рыбаков был ранен в левое плечо и в руку.

— Командира убило! — выкрикнул сигнальщик.

Печальная весть быстро разлетелась по кораблю. Люди ожесточились еще больше. В их переполненные ненавистью души влилась еще и жажда мести за любимого командира.

Командование кораблем принял на себя лейтенант Рыбаков.

Стрельник узнал о гибели командира на санитарном пункте. Он тут же поспешил на мостик.

«Надо повидать Рыбакова. Поговорить с ним, подбодрить», — решил он и с этими мыслями покинул кают-компанию.

Но увидеться с Рыбаковым комиссару не пришлось. Недолго пережил Стрельник своего боевого друга Льва Шестакова.

Комиссар вышел на верхнюю палубу и здесь был сражен осколком разорвавшегося у борта снаряда. Горячий кусочек иззубренного металла впился ему в висок. Стрельник зажал рану рукой, глянул вокруг затуманившимися глазами и упал на палубу.

Когда вызванный радистом Блиновым Иван Петруша подбежал к нему, комиссар был уже мертв.

Он лежал на выщербленной осколками палубе, подложив под голову ладонь, будто прилег на минуту отдохнуть. Лицо его было спокойным, строгим.

Петруша молча снял фуражку, присел на корточки и закрыл комиссару глаза. По задымленным его щекам медленно скатывались слезы.

— Как комиссар? Что с ним? Ранен? — услышал Петруша взволнованный голос Рыбакова.

Старшина еще сильнее стиснул пальцами фуражку.

— Нет больше нашего комиссара. Убит Петр Стрельник...

Напряжение боя росло. Фашисты просчитались, надеясь первыми же залпами покончить с «Туманом». Разве могли они предположить, что небольшой кораблик, вооруженный двумя маленькими пушечками, посмеет так ожесточенно и стойко сопротивляться во много раз превосходящей силе. Не случайно подошли они к «Туману» так близко, пытаясь устроить его команду. Гитлеровцы были уверены, что едва лишь загремит гром их орудий, как по мачте углого сторожевика книзу поползет корабельный флаг, и они беспрепятственно подойдут к побережью. Ведь так было всегда, даже когда им приходилось иметь дело с прославленными моряками владычицы морей — Великобритании...

Мужество и стойкость советских моряков разрушили планы гитлеровцев. Им казалось, что они все продумали и четко рассчитали. Но в математических расчетах врага отсутствовали неведомые ему поправки на героизм советских людей и на их сыновнюю любовь к матери-Родине.

Сколько уж залпов выпущено по «Туману», а он продолжает жить и сражаться. На его чудом уцелевшей мачте гордо развевается опаленное огнем, пробитое осколками горячего металла корабельное знамя. Даже сквозь дым

пожара враг хорошо видит спокойно колышашееся по ветру белое с синей каймой полотнище, на котором ярко пламенеет красная звезда и серп с молотом.

Обозленный неудачами, противник усилил обстрел. Взметнулись над водой новые пенистые столбы. Вместе с брызгами на палубу сторожевика обрушился град осколков.

Крупные пробойны изрешетили борт «Тумана». Машинное отделение быстро заполнялось водой.

— Завести пластырь! — поступила команда с мостика.

Михаил Анисимов, Георгий Михеев, Иван Быльченко и Василий Ширяев быстро закрепили тали, начали заводить концы. Но в это время недалеко от борта разорвался новый снаряд. Тяжелая цепь рухнула в воду. Анисимов и Михеев бросились к пластырю. Он оказался пробитым в нескольких местах. Из трюма достали новый пластырь и тросы. Началась повторная заводка. И снова взрыв над палубой. Снаряд перебил тросы. Его осколками были ранены Михеев и Анисимов. Но моряки не отступились. Приказ должен быть выполнен.

Вскоре пластырь был заведен. Однако вода продолжала прибывать. В борту было слишком много пробоин.

Вахта в машинном отделении внимательно следила за работой механизмов, обеспечивая ход корабля. Машинисты выключили секцию пароперегревателя и перешли на насыщенный пар. Водоотливные помпы работали безостановочно, но вода продолжала заливать внутренние помещения корабля. Остановить ее не представлялось возможным. Она дошла уже до плит и паёлов.

Широкая водяная струя с шумом ворвалась в угольный бункер через сквозную пробойну в борту. Первым бросился к ней старшина Семен Годунов. Погрузившись по плечи в черную от угольной пыли воду, моряк спиной заслонил пробойну.

— Держись, товарищ старшина, я сейчас! — поспешил на помощь Годунову Лавренко.

Он подал старшине аварийный материал и сам прыгнул в воду. Вдвоем действовать было сподручнее. Взрыв снаряда, упавшего близ борта, разворотил пробойну еще больше. Подоспевшие машинисты Василий Ширяев и Иван Ломтев вытащили старшину и матроса из бункера. Семен Годунов был тяжело контужен. Василий Лавренко ранен в грудь.

Вызвали санитаров.

— Товарищ комиссар... — шептал, умирая, Лавренко. — Я хочу... Я все понял... Я...

Давление пара в котлах резко упало. Свет в электросети слабел, лампочки краснели все больше и больше. Люди работали по пояс, по плечи в воде. Две помпы не успевали откачивать ее.

Вода быстро подступала к топкам котлов, угрожая взрывом.

Инженер-механик «Тумана» воентехник 1 ранга Яков Михайлович Кошев приказал старшине Смирнову доложить обетановку командиру корабля.

Когда старшина поднялся на верхнюю палубу, он увидел страшную картину разрушения. Родной корабль был неузнаваем.

— Боцман, что с тобой? — бросился Смирнов к Саблину, сидевшему у разбитой лебедки. Лицо боцмана было обожжено, глаза плотно закрыты. Разорванная на груди тельняшка набухла кровью. Саблин молчал. Смирнов пощупал пульс. Рука боцмана уже начала холодеть.

В тот самый момент, когда Смирнов докладывал Рыбакову о положении в машинном отделении, на корабле погас свет. Динамо-машина остановилась.

— Держитесь, пока сможете! — выслушав старшину, приказал Рыбаков.

В машинном отделении непроницаемая темнота. Люди молчат. В этой жуткой тишине взрывы вражеских снарядов звучат особенно громко. Бурлят взрывающиеся через пробойны водяные струи, постепенно заливая машинное и котельное отделения.

Воентехник Кошев чиркает о коробок отсыревшими спичками, но ни одна из них не зажигается. Машинисты продолжают работать в темноте. Машина дает минимальное число оборотов, мотыли еле-еле вращаются. Механизмы все больше уходят в воду, заполняющую отсек.

— Сейчас остановятся, — тихо сказал Василий Ширяев.

— Все равно без приказа не уйдем! — слышался в темноте голос командира боевой части. — Будем нести вахту до конца.

Медленно тянулись минуты молчания. Тишина стано-

видалась невыносимой, страшной. Многопудовым грузом давила она на плечи моряков.

— Ну как, Иван, не греются подшипники? — пытался шутить Ширяев.

— А ты нырни пощупай, — не задумываясь, ответил Ломтев.

Разговор оборвался.

С трапа донесся звонкий перестук каблуков. Несмотря на темноту, кто-то спускался вниз быстро и уверенно. Видимо, ему был хорошо знаком этот путь.

— Есть тут кто живой?

По голосу все узнали старшину Александра Смирнова.

— Доложил? — спросил воентехник Кошев.

— Приказано держаться до последней возможности.

„ГОРДО РЕЕТ НА МАЧТЕ ФЛАГ ОТЧИЗНЫ РОДНОЙ“

— Семенов, немедленно уничтожьте секретные документы и карты! — приказал Рыбаков.

Рулевой побежал в штурманскую рубку. Раскрыв дверь, он перескочил через высокий комингс и тут же упал, запнувшись обо что-то мягкое.

Рубка была полна дыма. Семенов ногой распахнул дверь. Дым стал быстро редеть, и в полусвете рулевой узнал лейтенанта Льва Дмитриевича Бикарюкова, дублера штурмана. Офицер полулежал, склонившись над свертком карт. Семенов бережно поднял его, вынес на свежий воздух. И тут на ярком свету увидел, что лейтенант мертв. Крупный осколок снаряда, пробив иллюминатор, ударил ему прямо в грудь. Семенов расстегнул китель Бикарюкова, вынул из внутреннего кармана залитый кровью комсомольский билет.

— Сергей! — окликнул он пробежавшего мимо сигнальщика Жиленко. — Вызови санитаров, а билет передай секретарю Бессонову.

Семенов снова вернулся в рубку. Едкий дым упорно не рассеивался. Глазам было больно смотреть. Рулевой на ощупь открыл стол, вынул оттуда несколько секретных книг и свертки карт. Выйдя из каюты на мостик, он начал уничтожать документы, разрывая бумаги на мелкие кусочки. Сначала все шло хорошо, но потом раненая рука перестала повиноваться ему. Боль становилась невыносимой. Кровь сочилась из рукава форменки, окрашивая алыми пятнами белоснежные листы бумаги. Семенов попробовал сразу разрывать по нескольку страниц, но плотная бумага не поддавалась. Тогда он стал рвать листы зубами.

За несколько минут книги были порваны, и рулевой принялся за карты. Уничтожить их оказалось еще труднее: тут и зубы не помогали. Однако Семенов нашел выход. Он вставал на карту ногами и левой рукой рвал ее. Не очень быстро подвигалась работа, но все-таки двигалась.

— Давай я помогу тебе, Семенов, — подошел к рулевому лейтенант Букин.

— Ничего, я справлюсь.

— Давай, давай! — чуть отстранив Семенова, офицер схватил сразу несколько листов и быстро порвал их в мелкие клочья. — Вот как надо!

Вдвоем они быстро уничтожили все карты.

Лейтенант забежал в рубку. Внимательно осмотрев стол и полки, он убедился, что документы уничтожены полностью.

— Все, Семенов! — сказал Букин, выходя из рубки. — Иди доложи командиру! Он на корме.

Пробегая мимо разбитого снарядам мостика, рулевой невольно поднял глаза и замедлил шаги. Такова сила

матросской привычки: мимо мостика проходить с каким-то особым чувством благоговения. Ведь там — командир, от туда каждый член экипажа корабля получает команды и приказания, туда он спешит доложить о их выполнении.

«Нет мостика, погиб командир!» — эта мысль болью отозвалась в сердце матроса.

Миновав мостик, Семенов припустился бегом на корму, где черным дымом продолжали тлеть разбитые шашки.

— Товарищ лейтенант, ваше приказание... — начал свой доклад Рыбакову Семенов и не закончил. Два снаряда с грохотом разорвались вблизи корабля: один над палубой, другой у борта. Корпус сторожевика вздрогнул, приподнялся и тяжело опустился вниз. На палубу обрушился поток воды. Семенов упал. Его подхватило роко-чущей волной и потащило за борт.

— Держись! Держись, Семенов! — лейтенант метнулся к нему и схватил рулевого за рукав.

Волна схлынула. Оттащив Семенова подальше от борта, Рыбаков склонился над ним, приподнял голову. По меловому лицу рулевого пробежала судорога, он пошевелил раненой рукой и открыл глаза, недоуменно озираясь вокруг.

— Ранен? — спросил его лейтенант.

— Задело чуток осколком и ногу зашиб.

— Ничего, брат, до свадьбы заживет, — успокоил его Рыбаков и приказал:

— Сейчас же быстро на санпункт!

— Есть! — отчеканил матрос и, припадая на ушибленную ногу, заковылял к трапу, ведущему в кают-компанию.

Новый снарядный взрыв и визг разлетающихся осколков заставили Семенова стремительно броситься под прикрытие нависающего над палубой разбитого мостика. Через минуту, выглянув из своего убежища, он ахнул. На

палубе, в нескольких шагах от него, лежал сбитый с мачты корабельный флаг. Рулевой подбежал к полотнищу и, схватив за обрывок фала, зама- хал им.

— Флаг сбит! Флаг!.. — кри- чал он.

Фашисты, увидев гибнущий ко- рабль без флага, сразу же прекра- тили огонь.

— Ишь, гады, чего захотели! — потрясая кулаками в сторону враже- ских кораблей, выругался Рыбаков и во весь голос крикнул:

— Поднять флаг!

Семенов, забыв о кровоточащей ране и об ушибленной ноге, начал взбираться на грот-мачту.

Добравшись до гафеля, он поймал

вившиеся на ветру концы перебитого фала и привязал к ним флаг. С чуть потемневшими, опаленными краями, израненный осколками, флаг снова, как смелая птица, взмыл над кораблем. Лицо Рыбакова просияло.

— Молодец, Семенов! Герой! — кричал он, запрокинув голову к мачте.

На вражеских кораблях заметили флаг и вновь открыли артиллерийский огонь. Снаряды рвались вблизи израненного корабля. Раскаленные куски металла с хватающим за душу свистом впились в палубу, дырявили тонкостенные надстройки. Казалось, корабль попал в середину грохочущего смерча.

Одним из осколков снова был перебит фал. Намертво ухватившись руками за мачту, Семенов изо всех сил прижимал конец фала к груди и в таком положении держал флаг. Закрепить его он уже не мог. Силы покидали моряка. Он еле держался.

— Нет, врешь, не упаду... Пока жив, флаг не уроню... — шептали бескровные губы матроса. От потери крови кружилась голова. Семенов пылающим лбом прижался к мачте. Так, казалось, было легче.

И вспомнилась матросу Волга. Родной город Горький. Заботливые руки матери засовывают горячие лепешки в карман брюк. Как вкусно пахнут эти лепешки, испеченные мамой. Как приятно чувствовать тепло сквозь тонкую подкладку кармана...

Рыбаков сразу понял, что Семенов ранен серьезно. Ему одному не справиться. Лейтенант поспешил на помощь рулевому, но, подойдя к мачте, услышал за спиной голос радиста Блинова:

— Разрешите мне, товарищ лейтенант?

— Быстрее! — Не успел сказать Рыбаков, как Блинов был уже рядом с Семеновым.

— Костя, что с тобой? Ты слышишь меня, Костя? — кричал Блинов.

Но Семенов молчал. Он не слышал, что его зовут. В голове моряка гудела артиллерийская канонада. И в этом шуме он различал лишь слова командира: «Поднять флаг!» Сейчас одна мысль занимала все его существо: «Только бы не упасть... Не уронить флаг».

Напрягая последние силы, Семенов плотно прижился к мачте, чувствуя, как тугой жгут фала все больней врезается в грудь. «Значит, флаг держится», — устало думал рулевой. Он ощущал его своей грудью, своим сердцем.

— Костя! — Блинов тихо коснулся рукой плеча Семенова. — Костя!

Семенов вскрикнул и, подняв голову, увидел Блинова.

— На, возьми... — сказал он тихо и передал фал товарищу.

— А ты спускайся вниз... Сможешь один?

Но Семенов не торопился спускаться. Отдав фал, он продолжал оставаться на мачте возле Блинова.

— Порядок! — произнес тот, старательно привязав фал вокруг мачты. — Теперь надежно.

Они вместе спустились вниз. И тут до их слуха донеслись слова знакомой песни:

Врагу не сдается наш гордый «Туман»,
Пощады никто не желает...

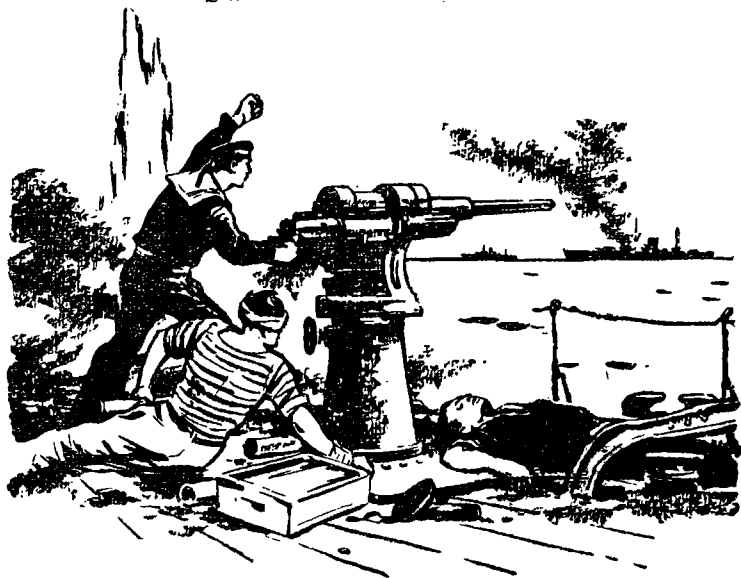
Пели Георгий Бессонов и Яков Колывайко. Они видели, как Семенов и Блинов только что подняли на мачте сбитый флаг и встречали героев песней.

Опираясь на плечо Блинова, Семенов медленно продвигался по палубе. Крен давал о себе знать. Правый борт корабля опустился вниз. Палуба стала покатой.

— А ну, над-дай еще! — кричал охрипшим голосом старшина Бессонов, посылая очередной снаряд в фашист-

ские эсминцы. Носовое орудие продолжало вести огонь. В промежутках между выстрелами повторялись слова песни. Вместе с комендорами ее подхватили и Семенов с Блиновым.

Врагу не сдается наш гордый «Туман»,
Пошады никто не желает...

Гордая песня о непобедимом красавце «Варяге» звучала над гибнущим кораблем, как гимн бессмертию. И то, что в ней сейчас вместо имени славного русского крейсера, героически погибшего в неравном бою с врагами, прославлялось имя маленького, не известного никому доселе сторожевого корабля, было не только символом. Это было великой правдой жизни, которую питала неистре-

бимая любовь советских моряков к Родине и верность священным боевым традициям.

Георгий Бессонов снова и снова командовал сам себе:
— А ну, еще!.. Так их!.. Еще давай!..

Раненый Яков Колывайко больше не мог ему помогать. Он лежал на палубе. Бинт на его голове все больше набухал кровью. Матрос хотел подняться, но тут же снова упал. Ослабевшие руки не выдерживали тяжести тела.

— Лежи, Яков. Один справлюсь, — сказал ему Бессонов, заряжая пушку.

Колывайко молчал.

Над морем продолжали греметь выстрелы.

К Семенову подбежал Михаил Алешин. В руках он держал брезентовую сумку с красным крестом:

— Командир послал. Давай перевяжу.

— Перевязывай. Только поживее, браток, — попросил его рулевой, а сам, не отрывая глаз, смотрел туда, где на ветру трепетал флаг родного «Тумана».

Летнее полярное солнце все выше поднималось над синевшими вдали скалами. Родной берег медленно приближался.

Тяжелым раскатистым эхом со стороны Кильдина прозвучали несколько залпов. Это открыли огонь наши береговые батареи. Возле вражеских эсминцев взметнулись высокие столбы всплесков. Резко отвернув влево и поставив дымзавесу, фашистские корабли стали торопливо уходить на норд.

— Удирают!.. Они удирают!.. — Испугались гады!.. — летели злые матросские слова вслед трусливо удиравшим кораблям противника.

Рыбаков облегченно вздохнул:

— Мы выполнили задачу. Враг не прошел!..

ПРОЩАЙ, „ТУМАН“!

Маленький корабль, выдержавший отчаянную схватку с врагом, был смертельно ранен.

— Личному составу покинуть корабль! — отдал приказание Рыбаков.

Ему только что доложили: котельное и машинное отделения целиком заполнились водой. Корабль держался на плаву за счет порожнего главного трюма. Слабые водонепроницаемые переборки каким-то чудом еще сдерживали огромный напор воды. Если они не выдержат, море зверем ворвется во внутренние помещения корабля, все ломая и круша на своем пути.

Рыбаков с болью оглядел изуродованную снарядами палубу — всю в рваных пробоинах, обожженную огнем, заваленную обломками и телами убитых моряков. Правая рука лейтенанта держалась на перевязи через плечо. Кожаный реглан был застегнут на все пуговицы.

Он стоял на ступеньках трапа, который когда-то вел на мостик. Рыбаков пытался найти среди обломков вахтенный журнал корабля, но сделать этого не смог: на месте мостика громоздилась гора разбитых досок и искореженного металла.

«Да, все, что могли, мы сделали», — подумал лейтенант и устало смежил веки. Если бы не секундомер на раненой руке, с беспристрастным равнодушием отсчитывающий минуту за минутой, Рыбаков не поверил бы, что с момента начала боя прошло всего лишь полтора часа. Ведь, кажется, совсем еще недавно он был на чистом мостике и делал первую боевую запись в вахтенном журнале... Мостика уже нет. Скоро не будет и палубы, на которой он стоит...

За полтора часа молодой офицер узнал и пережил такое, что не всякому суждено познать. Этому не научат ни училище, ни многие годы мирной службы. Придя на

корабль, он жаждал боя, хотел проверить себя, встретившись лицом к лицу с врагом. Он тогда смутно, по-книжному представлял себе эту встречу.

И вот первый бой позади. Был он суровым, кровавым, страшным.

«Теперь мы знаем, как воевать!» — подвел Рыбаков итог своему раздумью.

Он подозвал к себе Букина и отдал распоряжение:

— Проследите за спуском шлюпок. Обеспечьте посадку раненых.

«Туман» с большим креном на правый борт медленно погружался в морскую пучину. Разбитая и все еще дымящаяся корма тянула его вниз. Нос корабля все выше и выше вздымался над поверхностью воды.

Снова прилетели чайки. Они кружились в стороне, не решаясь приблизиться. Страшный вид изуродованного и обгорелого корабля отпугивал их. Крен угрожающе нарастал. Каждую минуту «Туман» мог перевернуться и увлечь за собой оставшихся в живых людей.

— Всем за борт!.. Быстро! — приказал командир.

Тумановцы бросились к шлюпкам. Одна шестерка была разбита — спускать ее на воду было бесполезно, вторая — изрешечена осколками снарядов. Стрелу лебедки снес начисто снаряд — и спускать шлюпку морякам пришлось вручную. Букин приказал Бессонову, Егунову, Хлюстову и Анисимову поднять шестерку на руках. Первая попытка ни к чему не привела. Шлюпку зажалो лебедкой, отброшенной взрывной волной к борту. На помощь товарищам подбежали Быльченко, Блинов и Ширяев.

— Нажмем, братцы! А ну, еще! — командовал Букин, помогая матросам сдвинуть шестерку с места. Тяжелая шлюпка была поднята на руках и поставлена килем на планширь фальшборта, а затем по накренившемуся борту плавно спущена на воду.

По пеньковому тросу в шлюпку спустились Быльченко и Анисимов.

— Принимайте раненых, — приказал им Иван Петруша. — Только поосторожней, ребята... Поосторожней!

Через пробоины в шестерку поступала вода. Ее накапливалось все больше и больше. Быльченко и Анисимов сняли с себя фланелевки и тельняшки, чтобы законопатить отверстия в днище.

В шлюпку спустили на руках тяжело раненных Виктора Левочкина, Николая Кочевенко и Константина Семенова. Старшину рулевых Алексея Караваева не донесли до шлюпки: он умер на руках у Петруши.

— Отбили гадов? — спросил он у санинструктора, когда тот, как ребенка, нес его, прижимая к груди, по палубе. Последними словами старшины были:

— Покурить бы, братцы...

Петруша поднес к его губам зажженную папиросу. Караваев вдохнул в себя глоток табачного дыма, и папироса выпала из его сухих, запекшихся губ.

Михаил Алешин где-то разыскал спасательный круг и, надев его на тяжело раненного командира отделения сигнальщиков Ивана Бардана, помог тому спуститься за борт. Шлюпка в это время находилась в нескольких метрах от борта «Тумана». Алешин прыгнул в воду и, подерживая старшину, вместе с ним добрался до шлюпки.

— Зачем?.. Не надо... — стонал раненый Бардан. Но Алешин не слушал его.

— Эх, Иван, забыл, что ли: моряки товарищей в беде не бросают!

«Туман» все больше погружался в воду. По палубе нельзя уже было ходить: так велик крен. Планширь правого борта скрылся под водой. Команда покинула корабль.

На борту оставался только лейтенант Рыбаков. Тяжело раненные моряки находились в шлюпке. Здоровые и легкораненные держались на воде. Они все дальше и дальше

уплывали от гибнущего корабля, чтобы не попасть в воронку водоворота.

Рыбаков покинул корабль последним. Встав лицом к флагу, он приложил руку к фуражке и тихо сказал:

— Прощай, «Туман»... Прощай, родной...

Резко задрав нос, корабль медленно описывал полукруг. Моряки, находившиеся в шлюпке, и те, что плыли рядом с ней, видели свой родной «Туман» в последний раз. На корабельной скуле, поднявшейся высоко над водой, отчетливо белела цифра 12. Свежий ветер развеивал флаг «Тумана».

И каждый про себя думал:

«Прощай, «Туман»! Прощайте командир, комиссар, боевые друзья!..»

Раненые Георгий Михеев и Яков Колывайко не успели далеко отплыть от борта. В последние минуты, когда корабль начал скрываться под водой, их закружило в водовороте и потянуло на дно. Лейтенант Рыбаков и Тимофей Мироненко поспешили на помощь товарищам. Подплыв вплотную, они помогли им продержаться на воде до подхода шлюпки.

Шестерка с тяжелоранеными медленно продвигалась к берегу. На веслах бесшумно работали Быльченко и Анисимов. Вдвоем им было очень тяжело толкать вперед перегруженную шлюпку. А вода уже подходила под самые банки, ее не успевали вычерпывать касками.

Но особенно трудно было тем, кто находился в холодной воде. На Севере даже в самое жаркое лето поверхность моря не успевает нагреться, и вода здесь круглый год почти одинаково ледяная. Ноги и руки сводит судорога. Долго продержаться на плаву невозможно.

А берег не близко. В голубоватой утренней дымке он кажется очень далеким.

В небе слышался нарастающий гул низко летящих самолетов: это шли наши бомбардировщики. Они держали курс на вражеские корабли, черные, еле видимые силуэты которых маячили уже у самой кромки горизонта.

Вскоре к шлюпке подошли два «морских охотника». Они приняли тумановцев к себе на борт.

У входа в Кольский залив им встретился сторожевой корабль «Заря», входивший в тот же дивизион, что и «Туман».

— В дозор.. Вместо нас, — сказал Рыбаков, и все находившиеся на верхней палубе «морского охотника» приветливо замахали руками и бескозырками, желая товарищам по службе счастливого плавания.

На смену погибшему заступал новый корабль-часовой.

Командование предоставило тумановцам отдых. Но разве могли они спокойно отдыхать в такие трудные для Родины дни. Им ли, познавшим суровую правду боя, видевшим, как умирают товарищи, лютой ненавистью ненавидевшим врага, сидеть сейчас сложа руки! Нет, тумановцы хотели другого. У них было одно желание — отомстить фашистам за погибших друзей, за родной корабль, за поруганную землю любимой Отчизны, за кровь и муки советских людей.

«Клянемся, пока есть у нас силы и течет в наших жилах кровь, бить ненавистного врага до полного его уничтожения...» — писали после боя оставшиеся в живых тумановцы, отвечая на письмо рабочих Мурманской судовой верфи.

И они сдержали свою клятву.

ПРОЙДЕМ ДОРОГАМИ ГЕРОЕВ

...Дороги войны! Для каждого вы были разными. Но все вы были одинаково трудными независимо от того, где проходили — морем ли, сушей, или воздухом. Кто прошел вас — никогда об этом не забудет.

Где же проходили дороги мстителей с «Тумана»? Вспомним их, пройдем по ним...

Теперь можно точно сказать, что рассказ немецкого журналиста о моряке с «Тумана», пришедшем в мае 1945 года в Берлин, не легенда. Я могу назвать имя героя — это заряжающий кормового орудия комсомолец Тимофей Лукьянович Мироненко.

Узнать об этом мне помог случай.

Повесть была уже написана, отрывки из нее напечатаны в газете Северного флота, но точными сведениями о тумановце, который дошел до фашистской столицы, я

тогда еще не располагал. Правда, кое-что удалось установить. Было, например, известно, что летом сорок второго года несколько морских отрядов, сформированных на Северном флоте, сражались под Сталинградом.. В их составе находились и моряки с «Тумана» — машинист Михаил Алешин и артиллерист Тимофей Мироненко.

На Сталинградский фронт североморцы прибыли в августе. Им был поручен один из самых тяжелых участков обороны города-героя — позиции в районе завода «Красный Октябрь». Бои шли ожесточенные. В течение одного дня морякам приходилось выдерживать до десяти атак пехоты и танков противника, поддерживаемых авиацией. Горела земля. Но североморцы со своих позиций не отступили ни на шаг.

Позднее вместе с сухопутными войсками моряки участвовали в разгроме окруженной под Сталинградом 6-й армии фашистов. А потом дорога побед повела их на Запад.

Но кто дошел до Берлина — Мироненко или Алешин — я тогда еще не знал.

И вдруг письмо из Риги. Пишет Мироненко. Со многими из ныне здравствующих тумановцев я встречался, веду переписку. Все они связаны друг с другом. Но никто из них не знал, что Мироненко живет в Риге. Оказалось, что в Североморске служит племянник Тимофея Лукьяновича. Он-то и выслал Мироненко номера газеты, в которых печатались главы из повести о «Тумане».

Много интересного рассказал о себе и своих друзьях Тимофей Мироненко. На шестнадцатый день боев за Сталинград он был тяжело ранен. После госпиталя снова возвратился в ряды защитников города-героя. Второе ранение. Снова госпиталь. Весной 1943 года в составе бригады морской пехоты Балтийского флота Мироненко воевал под Ленинградом. Здесь опять был ранен. Поправившись, вместе с наступающими советскими войсками через Ригу,

Таллин, Кенигсберг и Штеттин дошел до Берлина. Здесь Мироненко и нашел ту фотографию, на которой была запечатлена гибель «Тумана». Ее передал Тимофею Лукьяновичу немецкий мальчик. В уличных боях отважного воина опять настигла вражеская пуля. Тяжелое ранение на три месяца приковало его к госпитальной койке.

После увольнения из рядов Советской Армии Тимофей Лукьянович успешно закончил ленинградскую школу паровозных машинистов. Его назначили старшим машинистом на тяжелый, пятнадцатитонный кран.

Вот каков он, наш советский матрос,— скромный герой-воин и труженик!

А как же сложилась судьба других героев «Тумана»?

Леонид Александрович Рыбаков, выйдя из госпиталя, стал командиром сторожевого корабля, получил звание старшего лейтенанта. Сторожевик, которым командовал этот бесстрашный офицер, не раз участвовал в боях на море и одержал не одну блистательную победу. На груди старшего лейтенанта красовались четыре боевых ордена.

В конце сентября сорок третьего года сторожевой корабль Рыбакова получил ответственное боевое задание — в составе конвоя сопровождать караван транспортов в Арктику. Переход был трудным и опасным. В Карском море, недалеко от острова Кравкова, конвой был атакован фашистской подводной лодкой. Старший лейтенант Рыбаков, прикрывший бортом своего сторожевика транспорт с ценным грузом, погиб вместе с кораблем.

Мне довелось познакомиться с сыном Рыбакова — Борисом. Ему девятнадцать лет. Заветная мечта юноши — стать моряком. И он добьется своего. Борис Рыбаков — курсант Мурманского мореходного училища. Как видите, морская династия Рыбаковых продолжается.

Штурман «Тумана» лейтенант Михаил Михайлович Букин сейчас уже капитан 2 ранга. Не так давно он окон-

чил Военную академию и продолжает служить на флоте. За годы войны ему пришлось выдержать немало тяжелых испытаний. Осенью сорок первого года Букин был назначен старшим помощником командира тральщика. В одном из боев с фашистской авиацией офицер был тяжело ранен и несколько месяцев пробыл в госпитале. Только исключительная забота врачей вырвала его из лап смерти.

День Победы Михаил Михайлович Букин встретил на Черноморском флоте. Сейчас бывалый офицер учил молодых моряков быть такими же смелыми и умелыми, какими были герои «Тумана».

В штормовом море погиб зимой сорок четвертого года трюмный машинист «Тумана» Иван Захарович Быльченко. Случилось это в районе острова Диксон. Тральщик, на котором служил бывший тумановец, шел в составе конвоя. Сильный арктический шторм со снежным бураном повредил корабль. Вода быстро залила отсеки. На верхней палубе от лютого мороза образовались толстые наросты льда. Личный состав до последней возможности боролся за жизнь корабля. Но победить стихию не удалось. Тральщик затонул. Из всей команды спаслись только три человека.

Интересна судьба рулевого с «Тумана» Константина Дмитриевича Семенова. После гибели корабля он воевал на «малых охотниках», прошел сквозь многие сражения, участвовал в боях за освобождение Печенги. Дивизиону кораблей, где служил тумановец, было присвоено гвардейское звание. Константин Семенов награжден орденами Красного Знамени и Отечественной войны I степени. Комсомолец стал коммунистом.

После войны гвардии старшина 1-й статьи Семенов был уволен в запас и уехал в свой родной город Горький. Здесь он поступил на третий курс штурманского отделения речного училища. Три года упорной учебы. Немало

было трудностей на пути, но флотская закалка помогла Константину Семенову успешно преодолеть их. В 1949 году, отлично сдав государственные экзамены, рулевой с «Тумана» получил звание штурмана речного флота. С тех пор он плавает по великой русской реке.

Однажды пароход, на котором служил Семенов, ошвартовался у причала Химкинского порта столицы. Здесь и состоялась наша встреча. Я знал, что Семенов на борту. Поднимаюсь по трапу. Читаю на двери каюты: «Первый штурман». Дверь немного приоткрыта. Стучу. Никто не отвечает. Видимо, хозяин куда-то ненадолго вышел.

В чуть приоткрытую дверь, отчетливо вырисовываясь на светлой переборке, хорошо видна яркая цветная репродукция. Всматриваюсь и сразу узнаю знакомую картину.

...Суровое Баренцево море. На палубе сражающегося корабля — убитые и раненые. Оставшихся в строю — единицы. Но они продолжают бой. Орудие ведет огонь по врагу. Силы явно не равны. Но советские моряки не сдаются. Над ними, развеваясь на ветру, гордо реет корабельный флаг, только что поднятый смелым моряком, взбравшимся на мачту.

А вот и хозяин каюты. Он стоит рядом со мной — широкоплечий, светлолицый, с жизнерадостным блеском в глазах. Морская форма туго облегает его статную фигуру.

О многом мы говорили тогда. Константин Дмитриевич вспоминал о трудных морских походах, о боевых товарищах.

А тот, кто вместе с Константином Семеновым под огнем врага водрузил над родным кораблем военно-морской флаг, сбитый фашистским снарядом, — радист Константин Блинов служил до конца войны на торпедном катере. Во многих лихих атаках довелось участвовать отважному моряку. Расскажем лишь об одной из них.

Это было летом сорок третьего года. Два неприятельских транспорта в сопровождении восьми эскортных кораблей, при поддержке береговой артиллерии и под прикрытием дымовых завес пытались прорваться в свой порт. Двум нашим торпедным катерам было приказано атаковать фашистский конвой. Советские моряки достойно выполнили эту трудную боевую задачу. Атака была хорошо продумана. В то время как один из наших катеров отвлекал на себя огонь врага, другой вышел в атаку и, выпустив две торпеды, потопил крупный вражеский транспорт. А затем, поменявшись ролями, они нанесли удар и по второму транспорту. Четко организованное взаимодействие в этом бою обеспечивали радисты катеров, бывшие тумановцы. На одном ходовую вахту нес Константин Блинов, на другом — Михаил Анисимов.

После войны Константин Васильевич Блинов в звании старшины 1-й статьи был переведен служить на Балтийский флот.

Михаил Константинович Анисимов до победы не дожил. Он погиб в морском бою в конце 1943 года. Не так давно я был в гостях у катерников Северного флота и увидел в комнате Боевой славы портрет радиста с «Тумана». Он был снят в радиорубке торпедного катера. В короткой подписи под фотографией говорилось: «Смелый и отважный катерник, заместитель секретаря комсомольской организации старшина 2-й статьи Михаил Анисимов участвовал в сорока боевых операциях, награжден несколькими орденами».

На Тихоокеанском флоте закончил войну командир кормового орудия «Тумана» Дмитрий Капитонович Егуннов. На Севере он воевал до сорок четвертого года. Сначала был командиром орудия на сторожевом корабле «Смерч», затем — боцманом на «морском охотнике». После войны Дмитрий Капитонович вернулся в родные оренбургские степи в тот самый колхоз, откуда комсомольцем

уходил служить на флот. Сейчас коммунист Егунов руководит бригадой животноводов.

А вот старшине Николаю Яковлевичу Кочевенко не довелось вернуться в свое родное село Голубово, что находится в луганских степях. Моряк-тумановец погиб в июне сорок третьего года. После гибели «Тумана» Кочевенко служил на гвардейском «морском охотнике». Однажды на его катер, находившийся в составе конвоя, вышли в атаку сразу несколько фашистских пикировщиков. Они поочередно сбрасывали бомбы и обстреливали маленький корабль пушечно-пулеметным огнем. Один из вражеских самолетов был сбит и упал в море. Это сделал автомат старшины Николая Кочевенко. Отважный моряк был дважды ранен, но продолжал вести огонь по врагу. Он не отошел от своего автомата и погиб на боевом посту.

Несколько лет назад в Мурманске я встретился с бывшим санинструктором «Тумана» Иваном Трофимовичем Петрушей. Он уже был в звании майора и служил в морском госпитале. Офицерское звание ему присвоили осенью сорок первого года. Тогда же он был назначен на прославленную подводную лодку, которой командовал Герой Советского Союза Н. А. Лунин. В составе экипажа славного подводного корабля Иван Петруша принимал участие в известной всему миру операции по торпедированию фашистского линкора «Тирпиц» летом сорок второго года.

Недавно майор Петруша уволился в запас.

Иван Трофимович рассказал мне об одной интересной встрече. Она произошла на станции Бологое. Петруша ехал в отпуск. Во время остановки поезда он вышел на станционный перрон подышать свежим воздухом. К нему вдруг подошел старшина милиции. Объятия. Поцелуи. Вопросы. Это был электрик с «Тумана» Георгий Михайлович Михеев. Сейчас он лейтенант милиции. Живет все

там же, на станции Бологое. Недавно за отличия по службе Георгий Михайлович был награжден медалью «За боевые заслуги».

Уже в самом конце войны мать Виктора Левочкина Евдокия Степановна получила извещение о смерти сына. Бывший тумановец служил на сторожевом корабле. Он стал коммунистом, командиром отделения сигнальщиков. В одном из боев с фашистскими самолетами Виктор Дмитриевич Левочкин был смертельно ранен.

Механиком плавбазы «Память Ильича» Мурманского тралового флота работает ныне бывший трюмный машинист «Тумана» Сергей Александрович Хлюстов. После гибели родного корабля он служил на тральщиках — этих неутомимых пахарях моря. Какие только задания им не поручались: и траление, и высадка десантов, и сопровождение конвоев, и дозорная служба, и многое-многое другое.

Встретились мы с Сергеем Хлюстовым у него на квартире в Мурманске на проспекте Ленина. Он только что вернулся из трехмесячного похода в Атлантику. В трюмах плавбазы был доставлен богатый улов рыбы. Приветливая хозяйка дома — жена Сергея Александровича — угостила нас знаменитыми мурманскими пирогами с палтусом. Живет бывший тумановец хорошо. В квартире полный достаток. Много цветов. Телевизор. Настоящий домашний уют.

— Сколько раз, — рассказывал Сергей Александрович, — проходили мы возле того места, где пришлось в годы войны сражаться нашему «Туману». И в памяти сразу же воскресали картины боя, вспоминались друзья...

Дорогие сердцу памятные места! Они вечны, как вечен народ. Есть у нас Чудское озеро и Бородинское поле, есть Малахов курган и Сапун-гора... А почему же на море мы не обозначаем никак те места, где шли горячие

бои за честь и славу нашей Родины? Почему бы, например, на картах, в географической точке, расположенной на месте гибели корабля не нанести имя героического «Тумана». И пусть все об этом знают! И корабли, проходя мимо, пусть приспускают флаги, отдавая заслуженные почести кораблю-герою!

ВАХТУ ОТЦОВ НЕСУТ СЫНОВЬЯ

Кто не знает в нашей стране и далеко за ее пределами о героическом подвиге легендарного русского крейсера «Варяг»? Память о нем, как святыню, бережно хранит наш народ. Его имя воспето в песнях. В замечательном подвиге отразилась исполинская сила русского народа, его великая любовь к Родине, верность наших моряков священному воинскому долгу.

Это было более полувека назад.

Не так давно один из участников незабываемого боя, бывший матрос 1-й статьи крейсера «Варяг» Антон Демьянович Войцеховский побывал в гостях у моряков Северного флота. Он посетил корабли, встречался с молодыми матросами. Прощаясь с гостеприимными хозяевами, старый матрос оставил североморцам письмо-завещание. Вот оно:

«Дорогие мои сыночки!

Вы все, конечно, слышали о героическом подвиге матросов и офицеров русского крейсера «Варяг». 9 февраля 1904 года «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» подверглись внезапному и вероломному нападению шести японских крейсеров и восьми миноносцев. Мы тогда не дрогнули, смело вступили в бой с врагом. Наш командир Руднев собрал всю команду на верхней палубе и сказал:

— Помните, братцы, мы русские и будем сражаться до последней возможности, до последней капли крови!

Грозовым «ура» ответила команда на призыв командира. Израненный, подбитый «Варяг» героически дрался с четырнадцатью боевыми кораблями врага. Бились русские матросы насмерть, но не сдались, не спустили флага перед врагом.

Советские моряки в годы Великой Отечественной войны не только сохранили, но и приумножили честь и славу нашего флота.

Я хорошо знаю, дорогие североморцы, о ваших подвигах. Мне рассказывали, как доблестно сражались с врагом моряки сторожевого корабля «Туман». Их героизмом гордится весь советский народ.

Обращаюсь к вам, молодые матросы. Свято чтите наши славные боевые традиции. Знайте: служба на флоте трудна, но почетна. Вы должны воспитать себя мастерами морского боя, лихими, дисциплинированными воинами. И где бы вы ни были, как бы вам тяжело ни приходилось, всегда помните: вы достойные преемники славы и подвигов моряков нашего славного флота.

Желаю вам счастливого плавания!»

...Неспокойно Баренцево море. Густой туман плотной завесой закрыл горизонт. Низкие, налитые дождем тучи цепляются за мачту. Не слышно крика чаек. Они спрятались от непогоды в тихих прибрежных заводях. С глухим шумом бьется о борт крутая океанская волна.

Сторожевой корабль вышел в море. За кормой только что скрылись скалистые горы Рыбачьего. Корабль держит курс в сторону невидимого в тумане Кильдина.

На мостике — командир капитан-лейтенант Василий Луконин.

— Доложите обстановку, — обращается он к вахтенному офицеру лейтенанту Григорию Бодрову.

Короткий и четкий доклад лейтенант заканчивает словами:

— Все в порядке, товарищ командир! Воздух и горизонт чисты.

А над палубой, осыпаясь каплями с антенн, серыми волнами перекачивается туман. Не видно даже, что делается на носу корабля.

Командир спокойно выслушивает доклад.

— Хорошо, — тихо произносит он.

Горизонт действительно чист. Об этом сообщают приборы, установленные на корабле. Они видят и слышат в любую погоду, днем и ночью. От их зоркого глаза и чуткого уха ничто не ускользнет.

В большом кубрике многолюдно. Беседу с личным составом проводит заместитель командира корабля по политической части старший лейтенант Владимир Морянов:

— Мы сейчас находимся в том квадрате моря, где в годы войны дозорный корабль «Туман» принял неравный бой с тремя фашистскими эскадренными миноносцами. Советские моряки до конца выполнили свой долг перед Родиной. Они не пропустили врага к родным берегам... Так служили наши отцы. Они завещали нам...

Звон колоколов громкого боя прервал его речь. Учебная боевая тревога!.. Кубрик опустел. На мостик одно за другим поступили донесения о готовности боевых постов.

— Подводная лодка «противника»... Курсовой... Дистанция... — доложил вахтенный офицер командиру.

— Оповещение было?

— Нет.

— Доложите в штаб...

— Есть!

Над кораблем прозвучала команда:

— Приготовиться к учебной атаке подводной лодки глубинными бомбами!

Старшина 2-й статьи Иван Полтавин вместе с матросами Сергеем Викторовым и Андреем Манчуком быстро готовят свое оружие к бою.

За кормой корабля раздаются глухие раскаты подводных взрывов.

На мостик поступают доклады:

— Лодка меняет курс...

— Форсирует ход...

— Преследовать! — приказывает командир.

Учебная атака продолжается...

Так сегодня учатся и несут дозорную службу на северных морских границах нашей Родины сыновья героев «Тумана». Вахта отцов в надежных руках.

Так держать, товарищи!

Содержание

	<i>Стр.</i>
Легенда или быль?	3
«Туман» вступает в строй боевых кораблей	6
Ты достоин звания коммуниста	24
«После боя сердце просит музыки вдвойне»	37
Благодарю моряков за огонек!	42
Новый боевой приказ	54
Следовать прежним курсом!	61
Держаться до последней возможности	74
«Гордо реет на мачте флаг Отчизны родной»	86
Прощай, «Туман»!	94
Пройдем дорогами героев	99
Вахту отцов несут сыновья	107

Тихомиров Вениамин Васильевич

ПОДВИГ «ТУМАНА»

Редактор *Тарский Ю. С.*

Художественный редактор *Гречиго Г. В.*

Художник *Лыков В. М.*

Технический редактор *Буковская Н. А.*

Корректор *Елчина Л. Г.*

* * *

Сдано в набор 19.5.60 г.

Подписано к печати 27.8.60 г.

Г-60553.

Формат бумаги $70 \times 108^{1/32}$ — $3\frac{1}{2}$ печ. л. =

= 4,795 усл. печ. л. 4,917 уч.-изд. л.

Военное издательство

Министерства обороны Союза ССР

Москва, Центр, Тверской бульвар, 18.

Изд. № 12/1069.

Зак. 350.

* * *

1-я типография

Военного издательства

Министерства обороны Союза ССР

Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

Цена 2 р. 50 к.

с 1.1.1961 г. — 25 коп.

Scan, DJVU: Tiger, 2013

Цена 2 р. 50 к.

с 1.1.1981 г. — 25 коп.